

# Жюльетта

Сад Маркиз Де

- [Де Сад Маркиз](#)
  -

# Де Сад Маркиз

## Жюльетта

Маркиз ДЕ САД  
ЖЮЛЬЕТТА

Новая Жюстина, или несчастная судьба добродетели, сопровождаемая историей Жюльетты, ее сестры, или успехи порока

Мы с Жюстиной выросли и получили воспитание в Пантемоне. Название этой славной обители должно быть вам знакомо, и нет нужды добавлять, что в течение многих лет из этого монастыря регулярно выходили самые прелестные и самые распутные женщины, во все времена украшавшие Париж. Вместе со мной в Пантемоне оказалась Эвфрозина, юная дама, по стопам которой я возмечтала пойти и которая когда-то жила по соседству с моими родителями. Она сбежала из отцовского дома, чтобы с головой окунуться в либертинаж, и от нее и от другой монахини, ее старшей подруги, я получила первые и основные понятия о морали, той самой морали, которая, если судить по рассказу моей сестры о ее собственной жизни, покажется вам довольно странной для девушки моих лет, поэтому, прежде чем продолжить свое повествование, я должна сказать несколько слов об этих замечательных женщинах и дать вам краткий отчет о том раннем периоде своей жизни, когда в плодородные глубины моей неопытной души, соблазненной и развращенной этой парочкой сирен, было брошено семя, коему впоследствии суждено будет расцвести пышным цветом порока.

Монахиню, о которой я хочу рассказать, звали Дельбена. Когда я с ней познакомилась, она уже пять лет была аббатисой монастыря и приближалась к своему тридцатилетию. Я не встречала женщины более очаровательной, чем Дельбена. Она была бы идеальной моделью для любого художника: нежное ангельское лицо, светлые локоны, большие голубые глаза, в которых светилась призывная нега, фигура, будто скопированная с одной из Граций. Совсем юную, в возрасте двенадцати лет, Дельбену заточили в монастырь только ради того, чтобы ее старший брат, которого она люто ненавидела, получил предназначавшееся ей приданое. Оказавшись в заточении в том нежном возрасте, когда начинают бродить страсти, смутные и еще неопределенные, когда просыпается интерес к окружающему миру и, в частности, к миру мужчин, только благодаря своей стойкости, которая помогла ей успешно выдержать самые суровые испытания, она, в конце концов, научилась отважно смотреть судьбе в глаза. Будучи не по годам развитой, изучив все философии, и сама научившись мыслить философски, Дельбена стоически приняла свое заточение, ко при этом сохранила двух или трех самых близких подруг. Они навещали ее, утешали и, поскольку она оставалась очень богатой, продолжали снабжать книгами и довольно невинными удовольствиями, которые еще сильнее распаляли ее воображение и без того богатое от природы и ничуть не стесненное затворничеством.

Что же касается Эвфрозины, ей было пятнадцать лет в то время, когда я ее узнала, и уже полгода она была ученицей мадам Дельбены, когда они обе предложили мне присоединиться к их обществу. Случилось это в тот самый день, когда мне пошел тринадцатый год. Эвфрозина имела стройный стан, красивые глаза, живой ум, хотя, пожалуй, была чересчур высокой, и кожа ее не отличалась белизной и упругостью, одним словом, ей было далеко до нашей наставницы. Нет нужды говорить, что среди живущих

взаперти женщин единственным поводом для дружбы и привязанности может быть только сладострастие: они привязываются друг к другу не в силу добронравия, а благодаря взаимным удовольствиям плоти, и если с первого взгляда, с первого прикосновения между ними вспыхивает искра страсти, они становятся неразлучными. Обладая исключительно сильным темпераментом, уже в девять лет я приучила свои пальцы чутко откликаться на любые желания, возникающие у меня в мозгу, и по мере возможности утолять их, и с тех пор я ничего так не жаждала, как случая без раздумий броситься в полную наслаждений жизнь, двери в которую широко раскрыла для меня доя врожденная предрасположенность. Вскоре случай такой представился: Эвфрозина и Дельбена дали мне то, чего я так долго и бессознательно искала. Страстно возжелав заняться моим воспитанием, наставница однажды пригласила меня на обед. Там же присутствовала Эвфрозина. Погода была, как нарочно, великолепная, солнце ласково пригревало воздух, поэтому я нашла моих новых подруг в очаровательном неглиже: кроме прозрачных нижних сорочек, подвязанных широкими розовыми поясами, на них ничего не было.

- С самого первого дня, как ты появилась в нашем заведении, начала мадам Дельбена, запечатлев бесстрастный, как мне показалось, поцелуй на моем лбу, хотя глаза ее и руки выдавали некоторое волнение, - мне захотелось ближе познакомиться с тобой. Ты красива, не лишена, по-моему, сообразительности и прочих талантов, а молодые девушки подобного рода занимают особое место в моем сердце. Ого, ты уже краснеешь, милый ангел! Я запрещаю тебе краснеть! Скромность это иллюзия, и знаешь, откуда она .происходит? Это продукт не чего иного как наших, так называемых, культурных привычек и нашего воспитания, это есть то, что называется условностями. Природа создала мужчину и женщину обнаженными, не ведающими ни отвращения, ни стыда. Если бы человек строго следовал указаниям Природы, он ни за что не сделался бы жертвой скромности. Есть непреложная истина, прелесть моя, которая гласит, что существуют добродетели, чьим источником служит не что иное, как полное небрежение законами Природы или же их полное незнание. Разве мог бы человек настолько увязнуть в христианских заповедях, если бы дал себе труд внимательно посмотреть, из чего они состоят? Ну да ладно, побеседуем об этом как-нибудь в другой раз, а пока поговорим о другом. Ты не желаешь присоединиться к нашей компании, я имею в виду наши костюмы?

После чего эти дерзкие красотки с милыми улыбками приблизились ко мне, и в мгновение ока я оказалась точно в таком же виде, в каком были они, а во время процедуры раздевания поцелуи мадам Дельбены приобрели совершенно иной характер.

- Ах, наша Жюльетта просто прелесть! с восхищением вскричала она.

Ты только взгляни на эти маленькие сладкие грудки, посмотри, как они трепещут! Знаешь, Эвфрозина, я бы сказала, что ее тело аппетитнее, чем твое... Кто поверит, что ей еще нет и тринадцати?

Ласковые пальцы наставницы начали щекотать мои соски, а ее язычок проник мне в рот. Она не замедлила заметить, что ее ласки оказывают нужное действие на все мои чувства и что я близка к тому, чтобы упасть, как спелый плод, к ее ногам.

- Черт меня побери! - пробормотала она, не в силах больше сдерживаться, испугав меня выражением своих глаз. - Клянусь небом! Какая страсть, какой огонь! Сбрасывайте скорее это проклятое тряпье, девочки мои, к черту все, что скрывает от взора прелести, которые Природа создала совсем не для того, чтобы их прятать!

И торопливо сбросив с себя прозрачную тунику, запутываясь в многочисленных

складках, она предстала перед нами великолепная как Венера эта вечно выходящая из морской пены богиня, воспетая греками. Невозможно представить себе более совершенные формы, более нежное и белокожее тело, более волнующие изгибы и выразительные округлости. Эвфрозина немедленно последовала ее примеру, но показалась мне не столь соблазнительной и роскошной, как мадам Дельбена: кожа ее была не такая атласная и белая, как у наставницы, но зато какие глаза! Какая в них огненная страсть! Я оторопела от такого количества прелестей, которые столь непринужденно и столь откровенно были мне представлены, и когда я также избавилась от оков скромности и вы, конечно, догадываетесь, что сделала это не без удовольствия,

Дельбена, совершенно потерявшая голову от высшего на свете опьянения, увлекла меня на свою кровать и осыпала жадными поцелуями.

- Но погодите, - простионала она, едва не теряя сознание, - погодите, милые мои, давайте внесем порядок в наши безумства.

С этими словами она широко раздвинула мне бедра и, уткнувшись между ними лицом, исступленно впиалась губами в мое влагалище, при этом она царственно выгнула спину и подставила свои ягодицы - прекраснейшие ягодицы в мире! - в распоряжение нашей юной подруги, которая прильнула к ним точно так же, как наставница к моей промежности. Эвфрозина хорошо знала вкусы Дельбены, и сама, растворяясь в непрерывном судорожном оргазме, время от времени осыпала зад монахини звонкими шлепками, которые оказывали неопишное действие на состояние нашей любезной воспитательницы. Вавилонская блудница дрожала, будто сотрясаемая молниями, и жадными глотками поглощала соки, которые обильно струились из самых недр моего маленького влагалища. Она то и дело отрывалась от своего занятия и, приподняв голову, любовалась тем, как меня сотрясают не менее сильные приступы наслаждения.

- О, прекрасное создание! - бормотала лесбиянка. - О, великий Боже, есть ли где-нибудь еще такое страстное дитя! Давай, давай, Эвфрозина, ласкай меня сильнее, моя любовь, я хочу выпить ее всю, без остатка! - Мгновение спустя она добавила, - Ты ведь тоже должна получить свою долю, Эвфрозина. Но как мне вознаградить тебя за ту радость, что ты мне дала? Одну минуту, ангелочки мои, сейчас я буду ласкать вас обеих одновременно.

Она положила нас бок о бок на кровать, и по ее знаку мы руками принялись возбуждать друг друга. Вначале язык Дельбены проник глубоко во влагалище Эвфрозины, а ее пальцы нежно и часто массировали нам обеим задний проход, потом она оторвалась от моей подруги и впиалась в мою куночку. Таким образом, мы с Эвфрозиной, получая три удовольствия одновременно, вместе дошли до кульминации и разрядились мощно и ликующе, как мушкетеры. После короткой паузы неутомимая наставница перевернула нас, и мы предоставили в ее распоряжение свои ягодицы; она впивалась поочередно то в задний проход Эвфрозины, то в мой и сладострастно причмокивала. При этом она успевала бормотать восторженные слова и покрывать поцелуями наши ягодицы, и в конце концов мы едва не потеряли сознание от восторга. Получив удовольствие, Дельбена повалилась рядом с нами и заговорила хриплым прерывающимся голосом:

- Теперь делайте со мной то, что я делала с вами. Ласкайте меня, ласкайте скорее! Я буду лежать в твоих объятиях, Жюльетта, и целовать тебя, наши губы сольются, наши языки сплетутся. Мы высосем друг друга до самого дна. В мое влагалище ты вставишь вот этот прекрасный инструмент, добавила она, подавая мне упругий искусственный мужской орган, а ты, Эвфрозина, займись моей попочкой и вставь туда вот эту тонкую трубочку, ведь сзади у

меня очень маленькая дырочка, и ей не нужен такой большой аппарат... Но это еще не все, голубка моя, обратилась она ко мне, целуя меня в губы с необычайной силой, ты ведь не оставишь без внимания мой клитор? Именно в нем средоточие женского наслаждения: ласкай, массируй, разотри его в порошок, если хочешь, впивайся в него ногтями и не бойся, я очень вынослива, черт меня побери! Я изнемогаю и хочу получить все сполна, я хочу раствориться в оргазме, хочу стать одним сплошным оргазмом и, если смогу, хочу кончить двадцать раз подряд. Приступайте же!

О, Господи, как раскованно и как вдохновенно действовали мы и отплатили ей той бесценной монетой, какую она заслуживала! Не знаю, в силах ли человеческое воображение изобрести более страстные способы удовлетворить женщину, да и вряд ли существует на свете женщина, которая отдавалась бы этому занятию с таким неистовством. Наконец, наши усилия увенчались успехом.

- Ангел мой, так обратилось ко мне это прелестное создание, я хотела бы выразить тебе все свое восхищение, но у меня нет слов. Ты настоящая находка, и отныне я предлагаю тебе делить с нами удовольствия, и ты убедишься, что у нас нет в них недостатка, причем самых пикантных, невзирая на то, что мужская компания, вообще говоря, нам недоступна. Спроси у Эвфросины, довольна ли она мною?

- Вы любовь и радость моя, и пусть за меня ответят мои поцелуи, растроганно откликнулась наша юная партнерша, прильнув к груди Дельбены.

Только вам я обязана тем, что познала и самое себя и смысл своего существования. Вы воспитали мой ум, вы вытащили его из тьмы, в которую его повергли детские предрассудки. Только благодаря вам я поняла, что значит жить на свете. Как ты будешь счастлива, Жюльетта, если безоглядно вручишь свою, судьбу в ее руки!

- Да, - заметила мадам Дельбена, я стораю от желания поскорее приступить к ее воспитанию. Я уже сказала, что хочу очистить ее душу от всех мерзких религиозных глупостей, которые делают жизнь несчастливой; я хочу вернуть ее Природе и показать ей, что все бредни, которыми забита ее головка и которые сковывают ее желания, достойны только презрения. А теперь давайте обедать, девочки мои, нам надо восстановить силы после столь обильных излиятий.

Изысканные яства, которыми мы, утомленные и по-прежнему обнаженные, насладились за богато накрытым столом, быстро взбодрили нас, и скоро мы были готовы повторить все с самого начала. Мы снова начали ласкать друг друга и предаваться самым изощренным излишествам похоти. Мы испробовали тысячу разнообразных поз, непрерывно меняясь местами и ролями: становились поочередно то нежными самцами и покорными самками, то уже через минуту властными самцами и, обманывая таким образом Природу, весь божий день мы заставляли нашу снисходительную мать с улыбкой взирать на все наши страсти невинные нарушения ее законов.

Прошел месяц. Эвфросина, закалив как следует свою душу распутством, оставила монастырь, заехала проститься со своей семьей и отправилась осуществлять на практике усвоенные уроки безудержного либертинажа и узаконенного разврата. Как-то раз, позже, она нанесла нам визит; она рассказала о своей жизни, и мы, будучи развращены до крайности, не нашли ничего дурного в ее образе жизни, не выразили ни малейшего сожаления и, в качестве последнего напутствия, пожелали ей дальнейших успехов на выбранном пути.

- Должна признать, что она делает успехи, сказала, обращаясь ко мне, мадам Дельбена. - Сотни раз у меня возникало искушение сделать то же самое, и, конечно, я сделала бы это,

будь мои чувства к мужчинам достаточно сильны, чтобы одолеть мою необычайную слабость к женщинам. Однако, милая Жюльетта, решив мою участь и на всю жизнь выбрав для меня эту обитель, небо любезно одарило меня весьма скромными желаниями к иным удовольствиям, кроме тех, которые в изобилии предлагает это святое место: удовольствия, которые могут доставлять друг другу женщины, настолько восхитительны, что о других я и не мечтаю. Тем не менее я признаю, что кто-то может интересоваться и мужчинами, для меня не является тайной, что кто-то может из кожи лезть, чтобы покорить их, в конце концов, все, что связано с либертинажем, мне по душе... Мои фантазии уносят меня очень далеко. И кто знает, может быть, я выходила за такие пределы, которые трудно себе представить простым смертным; может быть, меня одолевали такие желания, которые удовлетворить просто невозможно?

Основной принцип моей философии, Жюльетта, продолжала мадам Дельбена, которая после потери Эвфрозины все больше и больше привязывалась ко мне, это презрение к общественному мнению. Ты представить себе не можешь, дорогая моя, до какой степени мне наплевать на то, что обо мне говорят. В самом деле, каким образом мнение невежд может повлиять на наше счастье? Только наша сверхделикатная чувствительность заставляет нас порой зависеть от него, но если, по зрелому размышлению, мы сумеем подавить в себе эти чувства и достичь той стадии, где абсолютно не зависим от этого мнения даже в самых интимных вещах, тогда, и только тогда, хорошее или плохое отношение к нам окружающих становится для нас в высшей степени безразличным. Только мы сами определяем критерии нашего личного счастья, только нам решать, счастливы мы или несчастливы все зависит лишь от нашей совести и, возможно в еще большей мере, от нашей жизненной позиции, ибо только она служит краеугольным камнем нашей совести и наших устремлений. Дело в том, продолжала моя высокообразованная собеседница, что человеческая совесть не всегда и не везде одинакова, почти всегда она есть прямое следствие образа жизни данного общества, данного климата и географии. Например, поступки, которые китайцы ни в коем случае не считают недопустимыми, заставляют нас содрогаться от ужаса здесь, во Франции. Следовательно, если это самое непостоянное понятие, зависящее лишь от широты и долготы, способно извинить и оправдать любую крайность, тогда только истинная мудрость должна помочь нам занять разумную среднюю позицию между экстравагантностью и химерами и выработать в себе кодекс поведения, который и будет отвечать как нашим потребностям и наклонностям, данным нам Природой, так и законам страны, где нам выпало жить. И вот, исходя из собственного образа жизни, мы должны выработать свое понятие совести. Поэтому, чем скорее человек определит свою жизненную философию, тем лучше, потому что только философия придает форму совести, а та определяет и регулирует все наши поступки.

- Поразительно! вскричала я.

Выходит, вы довели свое безразличие до того, что вас ничуть не волнует ваша репутация?

- Абсолютно не волнует, спокойно, с улыбкой ответила мадам Дельбена.

Более того: я получаю большое внутреннее удовольствие при мысли о том, что эта репутация дурная; если бы ее считали образцовой, мне было бы не так приятно. Никогда не забывай, Жюльетта: хорошая репутация это только лишняя обуза. Она не в состоянии вознаградить нас за все жертвы, которых она нам стоит. Те из нас, кто дорожит своей репутацией, испытывают не меньше мучений и страданий, чем те, кто о ней не заботится:

первые живут в постоянном страхе потерять то, что им дорого, а вторые трепещут перед возможностью наказания за свою беспечность. Если, таким образом, дороги, ведущие одних к добродетели, а вторых к пороку, одинаково усеяны шипами, какой смысл подвергать себя мучительным сомнениям, выбирая между этими дорогами, почему не посоветоваться с Природой, которая бесконечно мудрее нас, и не следовать ее указаниям? На что я возразила:

- Боюсь, что если бы я захотела принять ваши максимы, мадам, я бы пренебрегла многими условностями своего воспитания.

- Ты права, моя дорогая, ответила она.

Однако я предпочла бы услышать от тебя, что ты боишься вкусить слишком много удовольствий. Но в чем же состоят эти условности? Давай рассмотрим этот вопрос трезво. Общественные установления почти в каждом случае проповедует тот, кто никогда даже не интересуется мнением остальных членов общества, так что это не что иное, как оковы, которые мы все должны искренне презирать, которые противоречат здравому смыслу: абсурдные мифы, лишённые всякого чувства реальности, имеющие ценность только в глазах идиотов, которые соглашаются подчиняться им, фантастические сказки, которые в глазах разумных и интеллигентных людей заслуживают только насмешки... Но мы еще поговорим об этом, потерпи немного, моя милая. Только доверься мне. Твоя искренность и наивность говорят о том, что тебе необходим наставник. Для очень немногих жизнь усыпана розами, и если ты мне доверишься, ты будешь одной из тех, кто даже среди терний находит достаточно цветов на своем пути.

Ничто не могло оставаться тайной в таком глухом приюте, и одна монахиня, которая почему-то особенно хорошо относилась ко мне, узнала о моих отношениях с аббатисой и встревоженно предупредила меня, что Дельбена страшная женщина. Она отравила души почти всех пансионеров в монастыре, и, следуя ее совету, по меньшей мере пятнадцать или шестнадцать девушек уже пошли по стопам Эвфрозины. Монахиня уверяла, что настоятельница беспринципное, безнравственное, бессовестное создание, которое распространяет вокруг себя миазмы порока; в ее отношении давно были бы приняты самые строгие меры, если бы не ее влиятельные друзья и высокое происхождение. Я не вняла этим предостережениям: один лишь поцелуй Дельбены, одно лишь ее слово значили для меня больше, нежели все самые убедительные речи. Даже если бы передо мной зияла пропасть, я бы предпочла спасению гибель в объятиях этой женщины. О, друзья мои! Существует какое-то особое извращение, слаще которого ничего нет: когда зов Природы влечет нас и когда появляется холодная рука Разума и оттягивает нас назад, рука Вожделения снова подставляет нам лакомое блюдо, и впредь мы уже не можем обходиться без этой пищи.

Однако довольно скоро я заметила, что любезная наша наставница оказывает знаки внимания не только мне, и поняла, что и другие участвуют в ее бдениях, где больше занимаются распутством, чем делами божьими.

- Ты хочешь пообедать со мной завтра? поинтересовалась она однажды.

Я ожидаю Элизабет, Флавию, мадам де Вольмар и мадам де Сент-Эльм. Нас будет шестеро, и мы непременно придумаем что-нибудь потрясающее.

- О, Боже! изумилась я. Неужели вы развлекаетесь со всеми этими женщинами?

- Разумеется. Только не думай, будто ими я ограничиваюсь. В нашем заведении тридцать монахинь, я имела дело с двадцатью двумя, у нас есть восемнадцать новеньких, и мне еще предстоит с ними познакомиться. А из шестидесяти пансионеров только трое не поддались мне на данный момент. Как только появляется новенькая, я сразу прибираю ее к

рукам: даю ей неделю не больше, чтобы обдумать мое предложение. Ах, Жюльетта, Жюльетта, мой либертинаж это эпидемия, и все, кто ко мне прикасается, в конце концов заражаются ею. Счастье для общества, что я ограничиваюсь таким, можно сказать, мягким способом творить зло, а если бы, с моими наклонностями и принципами, я реализовала все свои способности, зла в мире было бы куда больше.

- А что бы вы тогда сделали, моя любовь?

- Кто знает. Одно известно, такое богатое воображение, как у меня, способно вызывать ураган. Природе угодно творить разрушение и смерть, неважно каким образом.

- Мне кажется, возразила я, вы приписываете Природе то, что скорее следует считать плодом вашей развращенности.

- А теперь хорошенько послушай меня, свет моих очей, сказала наставница.

Еще рано, наши подруги придут в шесть часов, а пока, думаю, я смогу ответить на некоторые из твоих легкомысленных вопросов.

Мы устроились поудобнее, и мадам Дельбена начала:

- Знания о целях Природы мы получаем через то внутреннее чувство, которое называем совестью; анализируя его, мы рационально и с выгодой для себя постигаем промысел Природы, который внутри нас выражается в импульсах и который терзает или успокаивает нашу совесть.

Слово "совесть", милая Жюльетта, означает внутренний голос, который взывает, когда мы делаем то, чего делать нельзя, и это удивительно простое понятие обнажает, даже для самого поверхностного взгляда, причины предрассудков, внушенных опытом и воспитанием. Скажем, если ребенку внушать чувство вины за то, что он не слушается, ребенок будет испытывать угрызения совести до тех пор, пока, переборов предрассудок, не обнаружит, что нет истинного зла в том, к чему прививали ему чувство отвращения.

Таким образом, совесть это всего-навсего детище предрассудков, которые заложены в нас с молоком матери, или этических принципов, которые мы сами создаем своим собственным поведением. Возможно и то и другое, если в качестве материала мы используем чувственность и из него лепим свою совесть, которая будет нам надоедать, будет кусать, жалить, тревожить нас по любому поводу, и вполне возможно, что мы окажемся во власти совести настолько деспотичной, что руки наши будут скованы, и нам не удастся получить полного удовлетворения ни от одного поступка, тем более порочного в глазах окружающих или преступного. Именно здесь появляется, как противоядие от первого, второй тип совести, совести, которая в человеке, далеком от суеверия и дешевых вульгарных фраз, во весь голос заявляет о себе тогда, когда по ошибке или из-за разочарования человек пытается идти к счастью окольным путем и не видит ту широкую дорогу, ведущую прямо к цели. Следовательно, исходя из принципов, придуманных нами для собственного пользования, у нас Может быть одинаковый повод разочароваться в том, что мы сделали слишком много зла, и в том, что сделали его слишком мало или вообще не делали его. Но давай рассмотрим понятие вины в его самом элементарном и самом распространенном смысле. В этом случае чувство вины, то есть то, что приводит в действие внутренний механизм, только что названный нами совестью, так вот, в этом случае чувство вины будет совершенно бесполезной вещью, слабостью, которую мы должны побороть во что бы то ни стало. Ибо чувство вины не что иное, как квинтэссенция, эманация предрассудка, вызванного страхом наказания за запретный поступок, тем более, если причина такого запрета неясна или неубедительна. Уберите угрозу наказания, измените понятия, отмените

уголовный кодекс или переселите преступника из одной страны в другую, и дурное деяние, конечно, останется дурным, но тот, кто его совершает, больше не будет испытывать чувства вины за него. Следовательно, чувство вины это всего лишь неприятная ассоциация, она вырастает из обычаев и условностей, которые мы принимаем за абсолют, но она никогда, никоим образом не связана с характером поступка, который мы совершаем.

Если бы это было не так, разве смог бы человек подавить в себе угрызания совести и преодолеть чувство вины? Можно сказать с уверенностью, что даже когда речь идет о поступках, имеющих, самые серьезные последствия, с угрызаниями можно справиться окончательно, если у человека достанет ума, и он всерьез вознамерится покончить с предрассудками. По мере того, как эти предрассудки с возрастом искореняются, а привыкание постепенно притупляет чувствительность и успокаивает совесть, чувство вины, прежде бывшее результатом неокрепшего сознания, уменьшается и, в конце концов, исчезает. Так прогрессирует человек, пока не дойдет до самых потрясающих крайностей, пока не поймет, что можно наслаждаться ими сколько душе угодно. Правда, здесь можно возразить, что чувство вины в какой-то мере зависит от тяжести содеянного. Это так, поскольку предубеждение против серьезного преступления сильнее, чем против легкого, соответственно предусмотренное законом наказание в первом случае тяжелее, чем во втором; однако стоит найти в себе силы, безболезненно избавиться от всех предрассудков, набраться мудрости и понять, что в сущности все преступления одинаковы, и ты научишься управлять своим чувством вины в зависимости от конкретных обстоятельств. Остается добавить, что, научившись справляться с чувством вины по поводу незначительных проступков, ты скоро научишься подавлять в себе неловкость при совершении довольно жестокого поступка, а потом творить любую жестокость, как большую, так и малую, с неизменным спокойствием.

Итак, милая Жюльетта, если тебя посещают неприятные ощущения после совершения жестокости, так это потому только, что ты привязана к определенной доктрине свободы или свободы воли и повторяешь про себя: "Как дурно я поступила!" Но если человек по-настоящему хочет убедить себя в том, что рассуждения о свободе это пустые слова, и что нами движет сила, более мощная, чем мы сами; если он поймет, что все в этом мире имеет свою цель и свою пользу и что преступление, после которого наступает раскаяние, так же необходимо для великого промысла Природы, как война, чума, голод, посредством которых она периодически опустошает целые империи а ведь империи гораздо меньше зависят от Природы, чем человеческие поступки, если бы только мы дали себе труд подумать над этим, мы бы просто перестали испытывать угрызания или чувство вины, и ты, бесценная Жюльетта, не заявила бы мне, что я не права, полагаясь на волю Природы, которую ты считаешь грехом.

Все моральные эффекты, продолжала мадам Дельбена, происходят от физических причин, с которыми они связаны самым абсолютным образом: барабанная палочка бьет по туго натянутой коже, и удару отвечает звук если нет физической причины, то есть нет столкновения, значит, не будет и эффекта, не будет звука. Особенно нашего организма, нервные флюиды, зависящие от природы атомов, которые мы поглощаем, от видов или количества азотистых частиц, содержащихся в нашей пище, от нашего настроения и от тысячи прочих внешних причин это и есть то, что подвигает человека на преступления или на добродетельные дела и зачастую, в течение одного дня, и на то и на другое. Это и есть причина порочного или добродетельного деяния, которую можно сравнить с ударом в

барабан, а сотня луидоров, украденная из кармана ближнего, или та же сотня, отданная нуждающемуся в виде подарка, это эффект удара или полученный звук. Как мы реагируем на эти эффекты, вызванные первичными причинами? Можно ли ударить в барабан так, чтобы не было ни одного звука? И разве можно избежать этих отзвуков, если и они сами, и удар, их вызвавший, всего лишь следствие явлений, не подвластных нам, настолько далеких от нас и настолько не зависящих от нашего собственного организма и образа мыслей? Поэтому очень глупо и неестественно поступает человек, который не делает того, что ему хочется, а сделав это, глубоко раскаивается. И чувство вины и угрызения совести являются не чем иным, как малодушием, которое следует не поощрять, а напротив, искоренять в себе всеми силами и преодолевать посредством здравомыслия, разума и привычек. Разве помогут сомнения, когда молоко уже скисло? Нет. Посему надо утешиться и понять, что угрызения совести не сделают поступок менее злодейским, ибо они всегда появляются после поступка и очень редко предотвращают его повторение. После совершения злодеяствия бывает одно из двух: либо следует наказание, либо его нет. Во втором случае раскаяние абсурдно и в высшей степени нелепо: какой смысл каяться в том, что дает нам самое полное удовлетворение и не влечет за собой никаких нежелательных последствий? Тогда сожалеть о той боли, которую ваш поступок может кому-то доставить, значит любить того другого больше, чем самого себя, и нелепо сочувствовать страданиям других, если эти страдания доставили вам удовольствие, если принесли вам какую-то пользу, если каким-то образом щекотали, возбуждали, наполняли вас радостью и блаженством. Следовательно, в этом случае для угрызений не существует никаких реальных причин.

Если же поступок ваш обнаружен, и наказание неизбежно, тогда, взглянув на этот факт трезвым взглядом, мы увидим, что сожалеем не о том зле, которое причинили другому, а лишь о своей неловкости, которая позволила это зло обнаружить; тогда я согласна, что для сожалений есть основания, и здесь есть о чем поразмыслить с тем, чтобы проанализировать причины неудачи и впредь быть осторожнее. Однако эти чувства не надо путать с истинными угрызениями совести, ибо истинные угрызения это боль в душе, вызванная причиненным самому себе злом. Вот здесь-то и кроется огромная разница между этими двумя чувствами, и это доказывает пользу одного и бесполезность другого.

Когда мы получаем удовольствие от какой-нибудь отвратительной забавы, как бы жестока она ни была, получаемое удовольствие или выгода, служит достаточным утешением за неудобства, даже самые неприятные, которые она может принести нашим близким. Разве перед тем как совершить какой-нибудь поступок, мы отчетливо не предвидим, чем он обернется для других? Разумеется, предвидим, и мысль об этом не только нас не останавливает, но напротив подталкивает нас. И что может быть глупее, чем неожиданное и запоздалое раскаяние, когда совершив дело, мы начинаем мучиться, страдать, портить себе удовольствие? Поэтому, если содеянное стало известно и превратилось в источник наших несчастий, не лучше ли обратить все свои способности на то, чтобы узнать, почему об этом стало известно, и, не проливая лишних слез над тем, что мы бессильны изменить, предельно собраться и постараться впредь не попадаться; не лучше ли обратить эту неудачу в свою пользу и извлечь из этого урока опыт, чтобы усовершенствовать свои методы. Таким образом, мы обеспечим себе безнаказанность на будущее, научившись заворачивать свое злодеяние в чистые простыни и скрывать его. Главное не поддаваться бесполезному чувству раскаяния и не заразиться принципами добродетели, ведь дурное поведение, разврат, порочные, преступные и даже чудовищные наши прихоти ценны уже тем, что доставляют

нам удовольствие и наслаждение, и неразумно лишать себя того, что приносит радость, иначе это будет напоминать беспримерную глупость человека, у которого после неумеренного обеда было несварение желудка, и только по этой причине он отказывается от радостей вкусной пищи. Истинная мудрость, дорогая моя Жюльетта, заключается вовсе не в подавлении своих порочных наклонностей, потому что с практической точки зрения они составляют единственное счастье, дарованное нам в этом мире, и поступать таким образом - значит стать собственным своим палачом. Самое верное и разумное полностью отдаться пороку, практиковать его в самых высших проявлениях, но при этом обезопасить себя от возможных неожиданностей и опасностей. Не бойся, что осторожность и предусмотрительность уменьшат твое удовольствие напротив, таинственность только усиливает его. Более того, она гарантирует безнаказанность, а разве не безнаказанность служит самой острой приправой к разврату?

Я говорила, как поступать с угрызениями совести, порожденными болью, которую испытывает тот, кто творит зло слишком открыто, а теперь, милая моя, позволь объяснить тебе, как заставить замолчать этот внутренний противоречивый голос, который уже после утоления жажды, снова и снова тревожит нас и упрекает за безумства страсти. Предлагаю лекарство от этого недуга, настолько же сладкое, насколько верное и простое: надо регулярно повторять поступки, заставляющие нас каяться, повторять их как можно чаще, чтобы привычка творить такие дела и избавляться таким образом от наваждения навсегда покончила с искушением переживать за них. Эта привычка сокрушает предрассудок, уничтожает его, мало того, за счет постоянного повторения ситуаций, которые вначале приносили неудобства, эта привычка, в конце концов, создает новое состояние, сладостное для души, состояние абсолютного безразличия и спокойствия. В этом тебе поможет твоя гордость: ведь ты не только творишь зло, на которое никто бы не осмелился, но ты еще настолько к нему привыкла, что жить без этого не можешь, и удовольствие от этого возрастает многократно. Один совершенный нами поступок влечет за собой другой, нет никакого сомнения в том, что многократные наслаждения очень скоро придадут нашему характеру самые необходимые черты, несмотря на все первоначальные трудности.

Разве не приобретаем мы жизненный опыт, совершая мелкие преступления, где похоть преобладает над теми ощущениями, о которых я говорила? Почему никто не раскаивается в распутстве? Да потому что распутство очень скоро становится привычным делом. Так пусть войдет в привычку любой неординарный поступок: по примеру похоти все поступки легко обратить в привычку, по примеру бесстыдства каждый из них способен вызвать сладкую дрожь нервных флюидов, и это щекочущее ощущение, близкое к страсти, может доставить высшее наслаждение и впоследствии превратиться в первую необходимость.

Ах, Жюльетта, если бы только ты, так же как и я, могла обрести счастье в злодействе а я не скрываю, что наслаждаюсь подобной жизнью, если бы, повторяю, ты нашла в преступлении ту же радость, что нахожу я! Тогда со временем оно станет твоей привычкой, и, в конце концов, ты настолько сольешься с ним, что не сможешь прожить и дня без этого пьянящего напитка. Тогда все придуманные людьми условности покажутся тебе смешными, и твое мягкое, но тем не менее грешное, сердце привыкнет к тому, что порочна человеческая добродетель и добродетельно то, что люди называют злодейством. Сделай так, и перед тобой откроются новые перспективы, новый волшебный мир; всепожирающий пожар разгорится в твоём теле, и забурлит тот заряженный электричеством сок, в котором находится жизненная сила. Тебе повезло, что ты можешь жить в светском обществе, чего

лишила меня моя злосчастная судьба, каждый день у тебя будут все новые и новые возможности, и их реализация каждодневно будет наполнять тебя неземным чувственным восторгом, похожим на безумие. Все люди, все окружающие будут взирать на тебя как твои рабы, закованные в цепи и предназначенные для того, чтобы насытить твою извращенную душу. Не будет никаких обязанностей, никаких пут и препятствий, сковывающих тебя, все они исчезнут в мгновение ока, растворятся в океане твоих желаний. И никакой голос больше не будет с укором взывать со дна твоей души, надеясь сломить тебя и украсть твою радость. Никогда предрассудки не будут мешать твоему счастью, разум сметет все границы, и, гордо подняв голову, ты пойдешь по дороге, густо усыпанной цветами, и будешь шагать до тех пор, пока, наконец, не достигнешь вершин разврата. Вот тогда ты увидишь, как глупо было все то, что в прошлом диктовали тебе от имени Природы; ты будешь насмехаться над тем, что глупцы называют ее законами, ты будешь попирать их ногам, с наслаждением стирать их в порошок, и вот тогда-то ты свысока посмотришь на эту Природу, униженно и льстиво улыбающуюся тебе, перепуганную до полусмерти страхом насилия; ты увидишь, как эта низкая девка поджаривается на огне твоих желаний, как она будет на брюхе ползать перед тобой, умоляя заковать ее в цепи, будет простирать к тебе руки, желая стать твоей наложницей; сделавшись твоей рабой, а не твоей госпожой, она вкрадчиво будет наставлять тебя, как еще сильнее истязать ее, как будто самоуничтожение единственное ее наслаждение, и только научив тебя, как довести ее мучения до высших пределов, она сможет навязать тебе свою волю. Не мешай ей. Как только ты достигнешь этого, не сопротивляйся своим порывам; как только ты узнаешь, как господствовать над Природой, ненасытной в своих требованиях к тебе, она поведет тебя дальше, от ступени к ступени, от одного извращения к другому, и все они будут лишь шагами к запредельным высотам, но вершины ты так и не достигнешь ты будешь неуклонно подниматься к ней, и твоей верной помощницей на этом пути будет сама Природа. Как шлюха из Сибариса, которая из кожи лезет, чтобы возбудить того, кто ее купит, она охотно подскажет тебе сотню способов осквернить и покорить ее, и все это для того, чтобы сильнее затянуть тебя в свои сети, чтобы окончательно сделать тебя своей собственностью. Но повторяю: один лишь намек на сопротивление с твоей стороны, только один нерешительный жест и все пропало, ты потеряешь все, чего достигла до сих пор своей порочностью. Наслаждайся, иначе ты не получишь ничего и ничего не узнаешь; если будешь робкой и нерешительной с ней, Природа ускользнет от тебя навсегда. А пуще всего берегись религии ничто так не искушает нас, как вредоносные религиозные выдумки. Религию можно сравнить с Гидрой, чьи срубленные головы тут же отрастают снова; она непрестанно оболванивает того, кто недостаточно решительно нарушает ее принципы. Всегда существует опасность, что иные нелепые идеи насчет фантастического Бога, которыми оболванивали наши детские мозги, возвратятся к нам, чтобы мешать нашему повзрослевшему воображению, когда оно будет свободно парить на седьмом небе. Ах, Жюльетта! Забудь, выбрось из головы само понятие этого бесполезного и смешного Бога! Его существование это туман, который можно рассеять при малейшем усилии ума, и ты никогда не будешь знать покоя, пока эта отвратительная химера держит в своих лапах твою душу, нечаянно попавшую в ее сети. Не переставай обращаться к великим мыслям Спинозы или Ванини, автора "Системы Природы". Мы будем изучать их, будем анализировать их вместе я обещаю тебе дать авторитетные работы на эту тему; мы вместе будем наслаждаться этими авторами и проникнемся их духом и их мудростью. Как только тебя вновь посетят сомнения, обратись ко мне, и я направлю тебя на путь истинный. Когда твой разум достаточно закалится и

станет непреклонным, ты будешь следовать за мной в своих делах и по моему примеру никогда больше не произнесешь имя этого мерзкого Божества разве что с отвращением и проклятиями. Признание этого, в высшей степени жуткого призрака является пороком, непростительным для человека. Я могу простить любые капризы, самые нелепые и глупые поступки, я готова сочувствовать и потакать всем человеческим слабостям, но никак не могу равнодушно видеть, как человек возвеличивает это чудовище, и никогда не прощу человеку, который добровольно заковал себя в тяжелые цепи религии, который безвольно бредет, опустив глаза вниз и вытянув шею, чтобы сунуть ее в поганый ошейник, изготовленный одной лишь собственной глупостью. Что стало бы со мной, Жюльетта, если бы меня не привело в ужас отвратительное учение, основанное на признании Бога; простое упоминание о нем приводит меня в ярость; когда я слышу его имя, мне кажется, что вокруг меня начинают трепетать тени всех тех страдальцев, которых смел с лица земли этот ужасный предрассудок. И эти страдающие тени отчаянно взывают ко мне, умоляют меня употребить все дарованные мне силы и возможности на то, чтобы искоренить в душе моих собратьев по разуму химерическую идею, которая принесла столько несчастий.

Мадам Дельбена остановилась и обеспокоенно поинтересовалась, насколько далеко я сама зашла в этом заблуждении.

- Я еще не приняла первого причастия, отвечала я.

- Тем лучше!

И она заключила меня в свои объятия.

Тем лучше, мой ангел, я охраняю тебя от этого идиотского ритуала. И если тебя об этом спросят на исповеди, говори, что ты еще не готова. Мать-монахиня, отвечающая за новеньких, моя подруга, и ее положение зависит от моей благосклонности. Я скажу ей, и тебя оставят в покое. Что же касается мессы, тебе придется там появляться вопреки нашему желанию. Кстати, ты заметила эту маленькую библиотечку? вдруг спросила она, показывая на пару дюжин томов в красных сафьяновых переплетах.

Я пришлю их тебе, и ты сможешь почитать эти мудрые книги во время той скучнейшей церемонии. Они в какой-то мере облегчат тебе эту пренеприятнейшую обязанность.

- О, моя наставница! вскричала я растроганно.

Как я вам обязана! Мое сердце и мой разум уже устремляются к источнику, который вы мне обещаете... Знайте же, что, хотя ваши речи были для меня новостью и новостью приятной и неожиданной, я в очень раннем возрасте почувствовала отвращение к религии и с великой неохотой исполняла ее обряды. Вы не можете себе представить, как я рада услышать, что вы собираетесь расширить мой кругозор! Увы. до сих пор я не слышала философских рассуждений насчет этого идолопоклонства, а свой скромный запас религиозной нечестивости скопила только благодаря подсказкам Природы.

- Тогда следуй ее советам, милая, потому что они никогда тебя не обманут.

- Меня очень убедили ваши речи, продолжала я.

В них столько здравых мыслей... Осмелюсь заметить, что редко можно встретить подобную мудрость в вашем возрасте. Трудно поверить, что человеческое сознание способно достичь высот, каких достигли вы, если только человек не обладает самыми необыкновенными талантами. Поэтому простите мой вопрос: как вам удалось совершить столько зла и сделать себя до такой степени жестокой?

- Придет день, и ты узнаешь обо мне все, сказала настоятельница, поднимаясь со своего стула.

- Зачем ждать? Неужели вы боитесь...

- Боюсь повергнуть тебя в ужас.

- Не бойтесь этого, мадам.

Однако стук в дверь помешал Дельбене закончить свою историю, которую я так жаждала поскорее услышать.

- Тс, прошептала она, прижимая палец к губам, давай вернемся к нашим делам. Поцелуй меня, Жюльетта, а когда-нибудь позже мы продолжим этот разговор.

В этот момент появились наши наперсницы, и я должна описать их.

Мадам де Вольмар приняла постриг только шесть месяцев назад. Ей недавно исполнилось двадцать лет; высокая, статная, удивительно белокожая, обладательница роскошных каштановых волос и самого прелестного тела, какое только можно себе представить. Вольмар, одаренная природой столькими достоинствами, несомненно, была одной из любимейших учениц мадам Дельбены и, исключая хозяйку, самой распутной из дам, приготовившихся участвовать в нашей оргии.

Сент-Эльм была новенькая семнадцати лет, очень живая очаровательная девушка с искрящимися глазами, прекрасной формы грудями, вся словно излучавшая сладострастие. Элизабет и Флавия обе были пансионерки; первой, скорее всего, не исполнилось и тринадцати, второй было шестнадцать. У Элизабет было чувственное лицо с удивительно тонкими изысканными чертами; несмотря на юный возраст она имела приятное, уже сформировавшееся тело с волнующими формами. -Что же касается Флавии, у нее, конечно же, было самое ангельское личико, какое можно найти в этом мире. Невозможно представить себе более прелестной улыбки, более белоснежных зубов и мягких волос, и вряд ли можно найти такое соблазнительное тело, такую упругую и ослепительно белую кожу. Ах, друзья мои, если бы мне пришлось писать портрет Богини Цветов, моделью я выбрала бы Флавию!

Обязательные приветствия и комплименты были весьма краткими, без излишних формальностей. Каждая из участниц знала, что ее привело сюда, и желала поскорее перейти к делу, а вот речи этих дам, признаться, несколько удивили меня. Даже в самом дешевом публичном доме не часто услышишь подобные непристойности, какие я слышала от этих юных созданий, и мне показался восхитительным контраст между сдержанно-изысканными манерами и откровенным бесстыдством и грубостью речей, приправленных непременно в таких случаях сальными словечками.

- Дельбена, заявила мадам Вольмар, едва ступив на порог, держу пари, что сегодня тебе не удастся заставить меня кончить: я всю ночь трахалась с Фонтениль, и она высосала из меня все, что можно. Я без ума от этой твари, за всю мою жизнь никто не ласкал меня так умело, как она, еще ни разу я не испытывала таких мощных оргазмов, да еще с таким аппетитом. Да, дорогие мои, это была не ночь, а сказка!

- Нет, вы только посмотрите на нее! улыбнулась Дельбена, обращаясь ко всем присутствующим.

А вот я надеюсь, что сегодня мы проделаем такие номера, которые будут в тысячу раз слаще.

- Разрази меня гром! Тогда давайте приступим скорее! вскричала Сент-Эльм.

Ведь я, не в пример Вольмар, сегодня как после великого поста, потому что спала одна.

И она с очаровательной непосредственностью подняла свои юбки.

Взгляните на мою куночку: она уже вся высохла от жажды.

- Не спешите, с укоризной заметила наша наставница.

Для начала будет вступительная церемония: мы принимаем в нашу школу Жюльетту, и она должна пройти ритуальные испытания.

- Какая еще Жюльетта? удивилась Флавия.

Ах, вот она! По-моему, эту прелесть я раньше не видела.

Она подошла ко мне и смачно поцеловала меня в губы.

Ты умеешь сношаться, моя принцесса, надеюсь, ты тоже либертина? А как насчет лесбиянства, моя цыпочка?

И без лишних слов негодница властным жестом положила одну руку мне на грудь, другую - на промежность.

- А она ничего, сказала Вольмар, оценивая разглядывая мои ягодицы.

Давайте скорее испытаем ее, а потом порезвимся все вместе.

- Послушайте, Дельбена, заговорила Элизабет, как ты смотришь на то, если Вольмар сразу приступит к этой аппетитной жопке? Она так и пожирает ее глазами и жаждет отделать ее как следует.

(Читатель будет приятно удивлен, узнав, что это предложение поступило от самой юной участницы нашей церемонии.) - Всем известно, вставила Сент-Эльм, что наша Вольмар не уступит никакому самцу с таким клитором чуть не с палец длиной. Ведь она будто специально создана для того, чтобы удивлять матушку-природу: и самец, и самка в одном лице. Но, увы, бедняжке приходится быть либо нимфоманкой, либо содомиткой иного ей не дано!

Произнеся эту шутливо-изысканную тираду, она подошла ближе и со всех сторон оглядела меня внимательным и опытным взглядом, в то время, как Флавия придиричиво ощупывала мое тело спереди, а Вольмар сзади.

- Ясно как день, продолжала она, что у этой маленькой и сладенькой сучки отличное тело, и клянусь, что еще до того, как наступит вечер, я узнаю вкус ее спермы.

- Утихомирьтесь, прошу вас, сердилась Дельбена, пытаюсь восстановить порядок.

Потерпите немного...

- Какого черта! Давайте начинать! взвизгнула Сент-Эльм.

Я уже истекаю. К чему ждать? Может, еще помолимся, прежде чем начнем сосать друг друга? Сбрасывайте живее свое тряпье и за дело!

Если бы вы присутствовали при сем, вашим глазам предстали бы шесть юных дев, одна прекрасней другой, страстно и неистово ласкающих обнаженные тела друг друга и образующих невероятные, неопишуемые, то и дело меняющиеся композиции. Однако оргия началась с ритуала инициации.

- Прекрасно, сказала Дельбена, когда девушки, наконец, успокоились.

Вот теперь можно начинать. Итак, слушайте меня: Жюльетта ляжет на диван, и каждая из вас по очереди сделает с ней все, что захочет. Я устроюсь напротив и буду принимать вас, тоже по одной, после Жюльетты. Вы начнете в ее объятиях, а кончать будете со мной. Но учтите, спешить мне некуда, и плоть моя потечет не раньше, чем я приму всех пятерых.

Указания наставницы были выслушаны с великим вниманием, и я поняла, что они будут выполнены самым пунктуальным образом. Присутствующие были развращены до мозга костей, и вам, наверное, будет небезынтересно узнать, что сделала со мной каждая из них. Они выстроились по возрасту, и первой пошла в атаку самая младшая Элизабет. Маленькая прелестница тщательно обследовала, покрывая поцелуями, каждую частичку моего тела,

потом с размаху, будто прыгнув с берега в воду, нырнула между моих ног, иступленно впиалась в промежность губами, как будто пытаюсь влезть в мое нутро, и скоро мы обе замерли от восторга и едва не потеряли сознание. Следующей была Флавия, ее действия говорили о большем опыте и искусстве. После бесчисленных предварительных ласк мы оказались в таком положении, что наши бедра обхватывали головы друг другу, а искусные движения пылающих губ и языков исторгли потоки липкой влаги из самых потаенных недр наших тел. Затем подошла Сент-Эльм. Она легла на спину, заставила меня сесть на ее лицо верхом, и я трепеща от восторга, почувствовала, как ее нос волнующе щекочет мне задний проход, а острый язычок вонзается во влагалище. Я упала на нее всем телом и таким же образом прижалась губами к ее промежности, стискивая пальцами ее подрагивающие ягодицы, и пять неистовых, следовавших друг за другом оргазмов показали, что не зря эта девочка сетовала на одиночество предыдущей ночью. Я и сама исторгла ей в рот все соки, какие во мне оставались, и никто до этих пор не глотал их с такой жадностью, как это делала она. А в это время Вольмар уже пристроилась к моему задку и начала страстно лобзать его. Через некоторое время, подготовив и смазав узкий проход остреньким розовым язычком, она навалилась на меня и умело ввела свой внушительных размеров хоботок в мой задний проход, потом повернула мою голову к себе и, впиваясь в губы, принялась сосать мне язык, не переставая при этом энергично двигать взад-вперед своим клитором. Не удовлетворившись этим, ненасытная лесбиянка сунула в мою руку искусственный член, я из-под низу нащупала ее раскрывшийся бутон и вонзила в него свое оружие; не успела я совершить несколько сильных толчков, как распутница едва не испустила от удовольствия дух.

После этого последнего натиска я заняла предназначенное мне место возле Дельбены. Эта фурия разместила нас следующим образом.

Элизабет лежала на спине на самом краю кушетки и рукой массировала клитор Дельбены, которая полулежала рядом, опираясь на руки. Флавия стояла на полу на коленях и, обхватив руками бедра наставницы, облизывала ее вагину. Сент-Эльм, плотно накрыв своими ягодицами лицо Элизабет, подставляла жадно раскрытое влагалище поцелуям Дельбены, а Вольмар, обратившись в содомита, самозабвенно удовлетворяла своим раскаленным клитором нашу несравненную наставницу. Завершая композицию, я опустилась на четвереньки рядом с Сент-Эльм, и Дельбена, в лихорадочном, но четко размеренном ритме переходя от влагалища Сент-Эльм к моему анусу, ласкала нас поочередно: лизала, щекотала, обсасывала с возрастающим жаром то одно отверстие, то другое, при этом она вибрировала всем телом, откликаясь на пальцы Элизабет, язык Флавии и клитор Вольмар, и ежеминутно извергалась в яростном кратковременном оргазме.

- О, боги! простонала Дельбена, наконец, выбираясь из плотного клубка горячих тел, раскрасневшаяся как вакханка.

Клянусь своей мышинной норкой, я никогда так не кончала! Но давайте продолжим: теперь вы все, по очереди, будете ложиться на диван, а Жюльетта будет развлекаться с вами так, как сочтет нужным, и вам придется подчиниться всем ее требованиям. Но поскольку у нее пока нет опыта в таких делах, руководить буду я. И мы будем выжимать из нее соки до тех пор, пока она не попросит пощады.

Первой на милость моей распаленной фантазии отдалась Элизабет.

- Пусть она обсасывает твой крохотный ротик, скомандовала Дельбена, а пальчиками ласкает тот бутончик, что у тебя между ног. А я тем временем займусь твоей попкой...

Теперь твоя очередь, милая Флавия. Ты будешь сосать грудки этого восхитительного создания. Надеюсь, она как следует вознаградит твои старания... Ну, а вкусы Вольмар всем известны, так что поработай своим язычком в, ее задней норке, она ляжет на тебя, и ты узнаешь, какие чудеса может творить ее язык... А сейчас сделаем так, продолжала настоятельница, когда подошла очередь Сент-Эльм, я буду попеременно сосать ее попку и твою вагину, а она точно так же приласкает меня.

Наконец, настал черед Дельбены, и я, возбужденная сверх всякой меры предыдущими ласками, в особенности ягодицами Вольмар, сказала, что хотела бы удовлетворить хозяйку массивным искусственным органом.

- Так займись этим, дорогая, и вообще поступай так, как подсказывает тебе сердце, спокойно и даже смиренно ответила Дельбена, выставляя напоказ упругие аппетитные полушария своего восхитительного зада.

Вот тебе норка, которую ты просишь, прочисти ее хорошенько и не вздумай жалеть.

- Охотно! восторженно воскликнула я и без промедления принялась содомировать свою наставницу.

А теперь, обратилась я к Вольмар, продолжая ритмично двигать своим оружием, давайте сюда ваш сладкий хоботок, его так жаждет моя попка: я хочу узнать, что испытывает наша милая Дельбена. Вы даже не представляете себе, как давно я мечтала об этом. Одной рукой я хочу ласкать Сент-Эльм, другой

Элизабет, а в довершение всего выпью все, что осталось во влагище Флавии.

Настоятельница сделала кое-какие уточнения и еще раз добавила, что я должна получить все мыслимые удовольствия; семь раз мы меняли положения и семь раз извергалось из меня семя в ответ на страстные ласки.

Плотские наслаждения сменились застольными радостями: мы перешли к столу, где нас ожидал роскошный обед. Всевозможные вина и прочие горячительные напитки оказали благотворное действие на наши утомленные тела, и скоро вся компания вернулась к забавам либертинажа. Вначале мы разделились на три пары. Сент-Эльм, Дельбена и Вольмар, как самые старшие по возрасту, выбрали себе партнершу; случайно или намеренно я оказалась в паре с Дельбеной, Элизабет досталась Сент-Эльм, а Флавия

Вольмар. Каждая пара устроилась так, чтобы все могли наблюдать друг за другом. Думаю, что читатель в состоянии представить себе лишь малую часть шалостей, которым мы предавались, и признаюсь, что больше других мне понравилась Сент-Эльм. Как только тела наши коснулись друг друга, жаркая волна охватила нас обеих, и через несколько минут обе едва не потеряли сознание. В конце концов все шестеро сплелись в один трепещущий клубок, и два последних часа этого праздника извращенной похоти и необузданного сладострастия прошли как в тумане.

С удивлением отметила я и тот факт, что к девочкам-пансионеркам отношение было исключительно внимательным и заботливым. По правде говоря, я не заметила такого отношения к тем, кто уже принял обет монашества, однако долго не могла понять, почему уважением здесь пользуются девушки, которым суждено провести жизнь в миру, а не в обители.

- Мы бережем их честь и достоинство, объяснила Дельбена, когда я спросила ее об этом.

Конечно, мы не упускаем случая позабавиться с этими девицами, но зачем ломать их души? Почему должны они с болью и ненавистью вспоминать мгновения, проведенные

среди нас? Нет, мы не так жестоки, и хотя ты считаешь нас бесконечно развратными, мы никогда не обижаем своих наперсниц.

Я нашла эти рассуждения очень здравыми, однако я давно чувствовала, что Природой мне назначено превзойти в злодействе всех, кого я встречу на своем пути, и у меня неожиданно возникло непреодолимое желание втоптать в грязь и, может быть, подвергнуть самым изощренным мучениям кого-нибудь из тех, кто доставил мне столько блаженства; желание это было не менее властным, чем мое твердое намерение утопить себя в пучине разврата.

Дельбена скоро заметила, что я предпочитаю ей Сент-Эльм. Действительно, я обожала эту очаровательную девушку, я буквально ни на шаг не отходила от нее, но она была бесконечно глупее настоятельницы, и та, незаметно и умело, постоянно возвращала меня в свои сети.

- Я понимаю, как страстно ты желаешь лишиться невинности девственницу или даже самое себя, сказала мне однажды несравненная Дельбена.

Я не сомневаюсь в том, что Сент-Эльм уже готова к тому, чтобы доставить тебе это удовольствие. В самом деле, чего ей бояться? Она ничем не рискует, потому что проведет остаток своих дней в святой обители. Но если ты, Жюльетта, освободишься от этого бремени, которое так тяготит тебя, ты навсегда закроешь себе все пути к замужеству. Подумай над этим и поверь мне: невероятные несчастья могут стать следствием утраты той части тела, с которой ты так легкомысленно собираешься расстаться. Поверь мне, мой ангел, я безумно люблю тебя, поэтому советую тебе оставить Сент-Эльм в покое; возьми лучше меня, и я удовлетворю все желания, которые не дают тебе покоя. Но если тебе этого мало, выбери в монастыре невинную девушку, насладись ее первыми плодами, и тогда я сама, своими руками, сорву сладкий плод твоей невинности. Нет нужды говорить тебе, что это будет больно. Но не бойся, я все сделаю аккуратно. Как я это сделаю тебя не касается, но ты должна дать торжественную клятву, что отныне ни словом не обмолвишься с Сент-Эльм. А если ты ее нарушишь, месть моя будет страшной и беспредельной.

Я слишком дорожила расположением этой стервозной женщины, чтобы обмануть ее доверие; кроме того, я сгорала от нетерпения вкусить обещанные ею удовольствия, поэтому оставила в покое Сент-Эльм. - Ну и как, спросила меня Дельбена месяц спустя, в течение которого она незаметно испытывала меня, ты сделала выбор?

И вы, добрые друзья мои, ни за что не догадаетесь, кто стал объектом моего извращенного воображения. То самое бедное создание, которое до сих пор стоит у вас перед глазами: моя собственная сестра. Но мадам Дельбена слишком хорошо знала ее и жалела, поэтому начала меня отговаривать.

- Согласна с вами, наконец, сдалась я.

Но в таком случае я выбираю Лоретту.

Ее молодость ей было только десять лет, ее красивое, будто озаренное теплым светом личико, ее благородное происхождение все в ней возбуждало, воспаляло меня, и не видя никаких препятствий для такого предприятия дело в том, что у маленькой сиротки не было других покровителей, кроме престарелого дяди, жившего в сотне лье от Парижа, настоятельница уверила меня, что дело можно считать решенным и что девочка станет жертвой моих преступных желаний.

Мы назначили день, и накануне драмы Дельбена затащила меня в свою келью провести ночь в ее объятиях. Как-то сам по себе наш разговор перешел на темы религии.

- Я боюсь, сказала она, как бы ты не совершила слишком опрометчивый поступок, дитя мое. Твое сердце, соблазняемое разумом, еще не достигло того состояния, в котором я хотела бы его видеть. Ты до сих пор напичкана суеверной чепухой, по крайней мере, так мне кажется. Послушайся меня, Жюльетта, доверься мне полностью и постарайся сделать так, чтобы в будущем ты, так же как и я сама, опиралась на надежные принципы в самых исключительных ситуациях.

Когда начинают болтать о религии, первым делом вспоминают догмат о несомненном существовании Бога, и, поскольку это и есть фундамент данного ветхого сооружения, называемого религией, я начну именно с него.

Поверь, Жюльетта, нет никаких сомнений в том, что фантастическая мысль о существовании Бога имеет своим истоком не что иное, как ограниченность ума. Не зная, с кого или с чего началась вселенная вокруг нас, беспомощные перед абсолютной невозможностью объяснить непознаваемые тайны Природы, мы, в своем глубочайшем невежестве, поставили над ней некое Высшее Существо, наделенное способностью производить все эффекты, причины коих нам неизвестны.

И вот этот отвратительный призрак стал считаться творцом Природы в той же степени, в какой считается творцом добра и зла; привычка полагать эту точку зрения истинной и очевидная польза от этой гипотезы, которая угождает человеческой лени и любопытству, быстро привели к тому, что люди поверили в сказку так же, как в геометрическое доказательство, и убеждение это стало столь глубоким, а привычка столь прилипчивой, что с самого начала требуется недюжинный ум, чтобы не попасть в эти пагубные сети. Всего лишь один маленький шаг отделяет факт признания Бога от его обожествления, ибо нет ничего проще, чем молить кого-то постороннего о помощи и защите, нет ничего естественнее привычки сжигать фимиам на алтарях этого фокусника и волшебника, которого превозносят одновременно как первопричину и как распорядителя всего существующего. Иногда его считали злобным, потому что из непреложных законов Природы вытекают порой весьма неприятные результаты. Тогда, чтобы ублажить его, приносили жертвы, с ними связаны посты, изнурение, наложение эпитимьи и прочий идиотизм плод страха многих и отъявленного мошенничества немногих. Или, если хочешь, извечные, неизменные плоды человеческой слабости, ибо пока человек считает слабость своим уделом, он будет надеяться на богов и в то же время будет страшиться их и оказывать им высшие почести как неизбежное следствие глупости, которая возвела этих богов на пьедестал.

Само собой разумеется, моя дорогая, мнение, согласно которому существует некий Бог и что он есть всемогущая сила, творящая и изобилие и нищету, лежит в основе всех мировых религий. Но какую из них следует предпочесть? Каждая выдвигает массу аргументов в свою пользу, каждая ссылается на какие-то тексты, священные книги, вдохновленные своим собственным божеством, каждая начисто отрицает все остальные. Признаюсь, разобраться во всем этом довольно трудно. Единственный проводник в ночной тьме мой разум, и я высоко поднимаю этот светильник; помогающий мне критически посмотреть на все эти противоречащие друг другу кандидатуры на мою веру, все эти басни, которые я считаю нагромождением притянутых за уши несуразностей и банальностей, от которых содрогаюсь от отвращения.

Итак, мы бросили беглый взгляд на абсурдные идеи, проповедуемые разными народами на земле, и теперь я подхожу, наконец, к доктринам евреев и христиан. Первые твердят о Боге, но никак не объясняют его происхождение, не дают никакого о нем представления, не

рисуют его образ; стремясь постичь природу этого сверхбожества всех людей, я нахожу лишь детские аллегории, недостойные величия того Существа, которого меня призывают принять как Творца всего сущего; более того, законодатели этого народа рассказывают мне о своем Боге с вопиющими противоречиями и используют при этом такие слова и такие краски, которые скорее вызывают отвращение, нежели заставляют служить ему. Пытаясь объяснить его сущность, они утверждают, что в Священных Книгах звучит голос этого Бога, но меня поражает, почему, рисуя свой образ, Бог выбирает такие изобразительные средства, которые побуждают человека презирать его. Столкнувшись с этим вопросом, я решила внимательно прочитать эти Книги и не смогла отделаться от мысли, что эти писания не только не могли быть продиктованы разумом или духом божьим, но воистину они написаны много позже смерти персонажа, который осмеливается утверждать, что он дословно передает слова самого Бога. Ха! Ха! Вот так воскликнула я, изучив всю эту белиберду, и убедилась, что Священные Книги, которые хотят всучить мне под видом мудрых изречений Всевышнего, не более, чем выдумки мошенников и шарлатанов, и вместо того, чтобы увидеть там отблеск божественного света, я нашла дешевое трюкачество, рассчитанное на доверчивых глупцов. В самом деле, что может быть нелепее, чем описывать на каждой странице, как это делается в тех Книгах, богоизбранный народ, который Бог якобы сотворил для себя самого; что может быть глупее, чем рассказывать, налево и направо, всем прочим народам земли, что Всемогущий обращается лишь к этим кочевникам пустыни, что он озабочен только их судьбой, что лишь ради их блага он меняет движение звезд, перекраивает моря-океаны, спускает сверху манну небесную, как будто этому Богу не было бы гораздо проще проникнуть в их сердца, просветить их разум, нежели вмешиваться в безупречный промысел Природы, как будто благосклонное отношение к темному, ничтожному, нищему и почти неизвестному народу соизмеримо с высшим величием того Существа, которому приписывают способность всетворения. И как бы я не хотела принять разумом то, что эти абсурдные Книги стараются вдолбить в голову читателя, мне пришлось задуматься над единодушным молчанием историков всех сопредельных народов, которые обязательно должны были отметить в своих хрониках чрезвычайные события, коими кишит Священное Писание, и этого факта оказалось достаточно, чтобы зародить во мне сомнение относительно чудес, описанных в этих баснях. Скажи на милость, что должна я думать, когда именно среди этого самого народа, так усиленно восхваляющего своего Бога, больше всего неверующих? Как возможно, что этот Бог осыпает свой народ благодеяниями и чудесами, а возлюбленный народ этот не верит в своего Бога? Как возможно, что этот Бог, на манер самых ловких лицедеев, трубит с вершины горы свои указы, с вершины горы диктует свои высшие законы законодателям этого народа, который в это самое время там внизу, в долине, сомневается в нем, и в той долине сооружаются идолы, памятники цинизма, будто нарочно для того, чтобы мудрый Бог, неистовствующий наверху, получил щелчок по носу? И вот, наконец, он умирает, этот исключительный человек, только что предложивший евреям чудесного Бога, испускает дух, и его смерть сопровождается чудом; уже самим обилием невероятных событий величие этого Бога должно было навечно запечатлеться в памяти той расы, которая была свидетелем его величия, но самое интересное в том, что отпрыски свидетелей того спектакля упорно не желают признать его величие. Они были менее легковерны, чем их предки, и несколько лет спустя идолопоклонники разрушили хрупкие алтари Моисеева Бога, и несчастные угнетенные евреи вспомнили химеры отцов только тогда, когда вновь обрели свободу. После этого новые вожди начинают петь старые

песни, но, к сожалению, их проповеди не подтверждаются деяниями: евреи, заявили эти новые вожди, будут процветать до тех пор, пока останутся верны заветам Моисея, никогда еще евреи не высказывали ему большего уважения, как в ту эпоху, и никогда столь безжалостно не преследовали их несчастья. Избежав гнева воинов Александра, они избежали затем македонских цепей только для того, чтобы попасть под иго римлян, и те, потеряв, в конце концов, терпение от бесконечных восстаний евреев, разрушили их храмы и разбросали обломки по всей пустыне. Так вот, значит, как Бог помог им! Вот как этот Бог, любящий их, поправший ради них священный порядок Природы, поступил с ними, вот как он сдержал свое обещание!

Тогда простите, но не среди евреев я буду искать универсальное всемогущее существо, ибо у этого несчастного народа я нахожу лишь отталкивающего призрака, порожденного необузданным честолубием, и с отвращением отворачиваюсь от презренного Бога, сотворенного злобой и бессилием. А теперь давай обратимся к христианам. И какой же сонм еще более несуразных нелепостей мы здесь видим! Теперь меня поучает уже не взобравшийся на гору громopodobный сумасшедший на этот раз сам Бог являет себя через своего посланника, но незаконнорожденному отпрыску Марии суждены совсем другие почести, нежели отвергнутому сыну Иеговы. Давай поближе посмотрим на этого мрачного маленького обманщика: что же он сделает, что придумает, чтобы донести до меня истины своего Бога, каковы его верительные грамоты, его методы? И он выкидывает дурацкие трюки и фокусы, ужинает с грязными девками, устраивает комедии с излечением, каламбурит, потешает и обманывает простаков. "Я сын Божий", мычит этот косноязычный неуч, неспособный сказать ничего вразумительного о своем отце. Именно так и заявляет: "Я сын Божий". Или еще лучше: "Я есмь Бог", и я должна верить потому только, что он пускает при этом слюни. Далее мошенника вешают на кресте, ну и что из того? Его ученики бросают его, и вот он, Бог вселенной, висит, приколотенный гвоздями. А где он зачат? В чреве еврейки. Где родился? В стойле. Каким образом внушает он веру в себя? Своим жалким видом, бедностью, плутовством другого способа убедить меня у него нет. А если я сомневаюсь, если колеблюсь в своей вере? Тогда горе мне! Тогда моим уделом будут вечные муки. Таков этот Бог: я ничего не упустила из его сущности, в которой нет ни одной черты, способной тронуть душу или воззвать к сердцу. И здесь кроется удивительное противоречие. Новый закон основан на старом и тем не менее он сводит на нет, стирает в пыль прежний закон, так где же основа этой новой веры? Неужели этот Христос является законодателем, и на каком основании мы должны его слушать? Он сам и только он! собирается показать мне своего Бога, пославшего его сюда, но если Моисей был заинтересован в том, чтобы я поверила в его Бога, который дал ему силу, то этот тип из Назарета не спешит рассказать о своем Отце, от чьего имени он пришел на землю. Однако новый законодатель должен знать больше, чем прежний: Моисей, в лучшем случае, мог запросто беседовать со своим господином, а Христос кровный сын Бога. Моисей довольствовался тем, что объяснял чудеса естественными причинами и убеждал свой народ в том, что молния сверкает лишь для избранных, а более хитрый Христос сам творит чудеса, и если оба заслуживали презрения у своих современников, то надо признать, что второй, благодаря своему большому нахальству, с большим основанием требует к себе почтения. В глазах потомков оба являются создателями "гетто" для евреев, а второму, кроме того, принадлежит приоритет, что касается виселицы.

Итак, Жюльетта, перед тобой порочный круг, в который попадают люди, как только

начинают докапываться до сути и продираться через весь этот чертополох: религия доказывает существование своего пророка, а пророк своей религии. Бог не явил себя полностью ни еврейской секте, ни секте христиан, которые по-иному, но не менее презренны, чем евреи, поэтому я упорно продолжала поиски надежных свидетельств, призвав на помощь разум, а чтобы он не подвел меня, я подвергла анализу сам разум. Что же такое разум? Способность, данная мне Природой, посредством которой я формирую свое благоприятное отношение к одному предмету и отрицательное к другому в зависимости от количества удовольствия или неудовольствия, получаемого мною от этих предметов; это расчет, определяемый только моими ощущениями, поскольку исключительно через них я получаю сравнительные впечатления, составляющие либо страдания, которых я хочу избежать, либо удовольствия, к которым я стремлюсь.

Таким образом, как полагает Фрере, разум есть не что иное, как весы для взвешивания предметов, являющихся внешними по отношению к нам; рассудочный механизм подсказывает нам, какие выводы следует сделать: когда стрелка весов склоняется в сторону наивысшего удовольствия, в ту же сторону склоняется наш выбор. Теперь ты видишь, что рациональный разумный выбор и для людей и для животных, обладающих разумом, является следствием самой примитивной и самой материальной механической операции. Но поскольку разум всего лишь наш пробный камень, должен существовать некий испытательный инструмент для анализа веры, которую настойчиво суют нам негодяи, требуя, чтобы мы почитали вещи, лишенные всякой реальности или настолько гнусные сами по себе, что могут вызвать разве что отвращение. Отсюда, Жюльетта, следует, что первым делом наша рациональная способность, то есть способность мыслить, должна установить главное различие между тем, как вещь являет себя воспринимающему, и тем, как он ее воспринимает, потому что предмет и его восприятие или наше о нем представление это совершенно разные вещи. Когда мы воспринимаем предметы, отсутствующие в данный момент, но знакомые нам по прошлому опыту, мы называем это памятью, воспоминанием, припоминанием, если угодно. Если наше восприятие предлагает нам какой-то предмет, не имеющий реального существования, это называется воображением. Так вот, воображение и есть истинный источник всех наших ошибок и заблуждений. А еще больший источник ошибок заключается в том, что мы приписываем самостоятельное существование предметам наших внутренних восприятия и полагаем, что они существуют вне нас и отдельно от нас только потому, что воспринимаем их отдельно друг от друга. Чтобы пояснить мысль о предмете, который являет себя наблюдателю, я воспользуюсь термином "объективное понятие" в отличие от впечатления, которое этот же предмет оказывает на наблюдателя, это впечатление я назову "реальным понятием". Очень важно не путать эти две разновидности существования: стоит только проигнорировать это различие, как тут же откроются безграничные возможности для ошибок. Делимая до бесконечности точка, необходимая в геометрии. относится к категории "объективных существования", а твердые объемные тела к категории "реальных существования". Как бы это ни было сложно для тебя, моя милая, ты должна постараться понять и согласиться со мной, если хочешь следовать к цели, к которой я хочу привести себя своими рассуждениями. Прежде чем двигаться дальше, отмечу, что нет грубее и распространеннее ошибки, чем идентифицировать реальное существование предметов, находящихся вне нас, с объективным существованием ощущений, которые скрываются в нашей голове. Наши ощущения отличны от нас самих, а также друг от друга независимо от того, относятся ли они к присутствующим предметам, к их отношениям или к

отношениям этих отношений. Они являются мыслями, когда речь идет об отсутствующих предметах, предлагаемых нам в виде образов, а когда они предлагают нам образы предметов, находящихся внутри нас, их называют понятиями. Однако все эти предметы суть лишь формы нашего бытия и способы существования; эти предметы не более отличны друг от друга или же от нас самих, чем расстояние, масса, форма, цвет и движение тела отличны от этого тела. Следовательно, пришлось поломать голову, чтобы придумать слова для обозначения всех конкретных, но похожих понятий: "причиной" называли все субстанции, которые приводят к каким-либо изменениям в другой субстанции, отличной от них, а термином "следствие" обозначили любое изменение, вызванное некоей причиной в некоей субстанции. Но поскольку эта терминология привела, в лучшем случае, к невообразимой путанице относительно понятий о субстанции, действии, реакции, изменении, привычка употреблять ее убедила людей в том, что они имеют однозначные и точные восприятия этих вещей, и в конце концов они вообразили, будто существует некая причина, не являющаяся ни субстанцией, ни телом, причина, которая отлична от всего сущего, имеющего форму, и которая, без движения и без действия, способна производить любое следствие. Люди не давали себе труда поразмыслить и понять, что все субстанции, постоянно воздействующие и реагирующие друг на друга, вызывают изменения и в то же время претерпевают их; бесконечное развитие субстанций, которые поочередно были то причиной, то следствием, истощили умственные способности тех, кто любой ценой искал причину в каждом следствии. Чувствуя, что их воображение не в силах справиться с таким нагромождением понятий, они, не мудрствуя лукаво, одним прыжком вернулись к первичной причине и называли ее универсальной или первопричиной, относительно которой все частные причины являются следствиями и которая сама по себе есть следствие, вообще не имеющее причины.

Таким образом, Жюльетта, появился Бог, придуманный людьми, вот что стало плодом их измученного воображения вкупе с извращенной фантазией. Нанизывая один софизм на другой, люди умудрились сотворить этот грандиозный призрак, и, вспомнив определение, которое я только что дала, ты поймешь, что призрак этот, отличающийся чисто объективным существованием, может гнездиться лишь в головах обманутых и загипнотизированных им людей, поэтому его можно свести к простому следствию хаоса в их воспаленном мозгу. И все-таки давай посмотрим внимательно на этого Бога смертных, на это чудовище, придуманное людьми, которые ради него пролили моря крови в своих храмах.

Если, - продолжала мадам Дельбена, - я так подробно остановилась на главных различиях между реальными и объективными существованиями, так это потому, дорогая моя, что чувствую настоятельную необходимость продемонстрировать тебе самые разные точки зрения на этот предмет и хочу, чтобы ты поняла, что люди склонны приписывать реальное существование очень многим вещам, которые существуют не более, чем предположительно. И вот продукт этого предположительного существования люди называли именем Бога. Если бы ложные выводы были единственным результатом подобных умственных упражнений, можно было бы махнуть рукой на это безвредное занятие, но, к сожалению, дело этим не ограничивается: воображение подогревается все сильнее, развивается привычка, и вот уже начинают считать реальным то, что есть лишь призрачный плод нашей слабости. Появляется убеждение в том, что именно воля этой химерической субстанции служит причиной всего, что выпадает нам в жизни, и изыскиваются все новые средства ублажать ее. Давай же поразмыслим здраво и, прежде чем решать вопрос о принятии или непринятии Бога, тщательно рассмотрим все сказанное выше, чтобы ты

окончательно поняла, что поскольку сама мысль о Боге может прийти нам в голову лишь через посредство объекта, она ничего не может породить кроме иллюзий и химер.

Несмотря на всю свою софистику тупые приверженцы божественного пугала пока не могут сказать в свое оправдание ничего умного кроме того, что нет следствия без причины. Но коль скоро речь заходит о причинах, следовало бы отослать их назад к самой первой извечной причине, к универсальной причине всех частных и последующих причин, к исходной, созидательной и самосозидающей причине, не зависящей ни от какой другой. Допустим, мы неверно понимаем связь, последовательность и движение всех причин, но незнание одного факта никогда не служит достаточным основанием для установления, а затем возведения в объект веры другого факта. Те, кто хочет убедить нас в существовании своего отвратительного Бога, имеют наглость заявлять, что поскольку невозможно определить истинный источник бесконечной череды причин и следствий, мы непременно должны придумать универсальную причину. Какой блестящий пример пустопорожней болтовни! Разве не лучше было бы допустить факт незнания вместо того, чтобы впадать в абсурд, и разве принятие этого абсурда стало доказательством его реальности! Пусть идиоты сколько угодно барахтаются в своих тупых рассуждениях, но умный, человек рискует разбиться о скалы, если направит свой корабль в эту призрачную гавань.

Однако давай поговорим о том вампире, которого наши оппоненты полагают своим творцом. В этой связи я хочу спросить их, имеют ли законы, правила и воля, посредством коих Бог управляет людьми, человеческую природу, может ли он в одних и тех же обстоятельствах захотеть или не захотеть чего-нибудь, может ли какая-то вещь нравиться или не нравиться ему, остаются ли неизменными его чувства, нерушим ли его план. Если он подчиняется закону, тогда его функция сводится к простому исполнению, тогда он следует чьим-то указаниям и не может быть независимым. А если за ним стоит неизменный закон, то в чем он заключается? Отличен он от самого Бога или же заключен в нем? Если же, с другой стороны, это Верховное Существо может менять свои чувства и желания по своей собственной воле, мне хотелось бы знать, для чего он это делает. Разумеется, у него должен иметься какой-то мотив для их изменения, мотив, намного более веский, нежели любой из тех, что движут нами, так как Бог превосходит нас как по мудрости, так и по осмотрительности; так можно ли представить себе этот мотив, не умаляя величия самого Бога? Пойдем дальше: если Бог знает заранее, что ему придется изменить свой план, почему же, раз он всемогущий и может делать все, что захочет, он не устроил дело таким образом, чтобы избежать необходимости такого изменения, которое всегда требует определенных усилий и доказывает его слабость? А если ему не известно, что будет дальше, какой же он всемогущий, что даже не в состоянии предвидеть свои будущие действия? Если же он все-таки обладает даром предвидения как следовало бы предположить, тогда все уже предопределено заранее независимо от его воли; тогда какой закон руководит им? Где он, этот закон? Как он проявляет себя? Если твой Бог не свободен, если вынужден подчиняться управляющему им закону, тогда он сводится к чему-то вроде судьбы или случайности, которых не трогают клятвы, не смягчают молитвы, не ублажают дары и которыми лучше всего пренебречь, а не пытаться безуспешно умолять их.

Но если твой обожаемый Бог опасный, порочный и жестокий тип и скрывает от людей то, что им надо для счастья, значит, цель его не в том, чтобы сделать их счастливыми, и он совсем не любит их; таким образом, его нельзя назвать ни справедливым, ни добрым. По моему мнению Бог не должен желать человеку ничего плохого, а человек не может уважать

законы, которые тиранят его или же неизвестны или непознаваемы для него.

Более того, этот подлый Бог ненавидит человека за то, что тот не ведает того, чему его не научили; он наказывает человека за нарушение какого-то неведомого закона, за его склонности и вкусы, которые тот мог получить только от своего спасителя. Ах, Жюльетта! воскликнула вдруг моя наставница. - Можно ли воспринимать этого жестокого и коварного Бога иначе, чем деспота, варвара, чудовище, которому я обязана всем порочным, всем низменным и извращенным, что возбуждают во мне мои моральные свойства!

И даже если бы мне представили доказательства существования Бога, даже если бы им удалось убедить меня в том, что он диктует законы и назначает неких избранных сообщать их простым смертным, если бы мне показали, что в отношениях человека и Бога царит абсолютная гармония и постоянство, - даже тогда ничто не убедило бы меня в том, что я обязана благодарить его за все его дела, ибо, если он не добр ко мне, значит, вводит меня во грех, и мой разум, который он же мне и дал, не может предохранить меня от греха, ибо и это вполне логично! он даровал мне способность мыслить для того лишь, чтобы посредством сего предательского инструмента я все глубже и глубже увязала в грехе и заблуждении.

Однако продолжим. И теперь я спрошу вас, деистов, каким образом этот Бог, чье существование я готова допустить на минуту, собирается поступить с теми, кто не знает его законов? Если он 'наказывает неистребимое невежество тех, кому его законы не были объявлены, он несправедлив, а если он не в состоянии научить их, он бессилен.

Нет никакого сомнения в том, что объявление законов вечности должно нести на себе печать Бога, от которого они исходят. Мы по горло сыты такими объявлениями, но какое из них отмечено неоспоримым знаком подлинности? Ведь сама религия отвергает и уничтожает своего творца Бога, и мне интересно, что станет с этой религией, когда Бог, ее основатель, останется только в вывороченных набекрень мозгах недоумков?

Неважно, реальны или иллюзорны человеческие знания, истинны они или фальшивы, потому что это почти совсем не имеет отношения к человеческому счастью, но к религии имеет самое непосредственное. Едва человек поддается внушению, религиозному гипнозу, как тут же начинает страстно верить, что привидения, кишящие у него в голове, существуют на самом деле, и с этого момента утрачивается чувство реальности. С каждым днем появляются все новые и новые поводы для страха, с каждым часом страх этот усиливается таковы следствия, которые производит в нашей душе пагубная идея Бога. Она приводит к самым удручающим несчастьям в жизни человека, именно она лишает его величайших удовольствий, и он всю свою жизнь боится не угодить отвратительному созданию своего больного воображения. Поэтому ты, малышка, должна, как можно скорее, избавиться от страхов, которые внушает тебе это пугало. А чтобы обрести свободу, отбрось все сомнения, подними свою красивую ножку и разотри идола в порошок.

Идея божества, которую священники усердно вдалбливают в наши головы, это, если сказать точнее, идея универсальной причины, и для нее любая другая причина является следствием. Дураки, на которых всегда рассчитывали самозванцы, полагают, что такая причина существует, и существует, очевидно, отдельно от частных следствий, производимых ею, как будто форму тела можно отделить от этого тела, как будто, если белизна служит одним из свойств снега, это свойство можно соскоблить с самого снега. Но ведь свойство или состояние предмета нельзя отделить от самого предмета, значит, твой Бог всего лишь одно из состояний материи, которая по самой своей сути находится в вечном движении, и это движение, которое, как ты считаешь, можно отделить от материи, эта присущая ей

энергия и есть твой Бог. Теперь ты, смиренная мышка с блошиными мозгами, посмотри внимательно на этого августейшего идола, который сотворил тебя по своему образу и подобию, и подумай, какого почтения он заслуживает.

Мудрецы, считающие, что первопричина способна дать лишь первый толчок, и оставляющие за человеческим разумом право на самоутверждение, смело ограничивают эту причину и, начисто отменяя вопрос об ее универсальности, низводят ее до самой ничтожной вещи в Природе, к простейшей функции поддерживать материю в движении. Но ведь в Природе все взаимосвязано: например; чувства и мысли побуждают движения в теле, а эти движения возбуждают ощущения в душе все это так, но в этом нет ничего, что могло бы породить религиозный экстаз; восприятие объектов зависит только от того, готовы ли мы воспринять их и совпадает ли это с процессами, происходящими в наших органах. Таким образом, причина этих процессов и есть причина . наших желаний и чувств. Если же эта причина ничего не знает и не подозревает о процессах, которые сама в нас порождает, тогда зачем нужен такой немощный Бог? А если он это знает, тогда он соучастник этих процессов и творит их по своей воле; если, зная это, он поступает так не по своей воле, значит, он вынужден делать то, чего не хочет, и тогда есть нечто, что сильнее его, раз он подчиняется высшим законам. Если наша воля всегда выражает себя в движениях, жестах или импульсах, выходит, Бог поощряет наши желания и санкционирует то, что мы делаем по приказу своего желания; выходит, Бог пребывает в руке убийцы, в факеле поджигателя, во влагалище шлюхи. Ты можешь сказать в его оправдание, что Богу стыдно за все эти гнусные дела. Но тогда это ничтожный измученный божок, более слабый, чем мы, вынужденный повиноваться нам и нашим желаниям. Следовательно, вопреки всему, что нагородили по этому поводу, надо прямо заявить, что универсальной причины не существует, а если кто-то просто не может жить без нее, придется допустить, что Бог согласен со всем происходящим с нами, что он и не хочет ничего иного; придется также признать, что это насквозь фальшивое существо не может ни ненавидеть, ни любить никого из тех, кого он сотворил, так как все они подчиняются ему в одинаковой мере, следовательно, такие слова, как "наказание", "вознаграждение", "заповедь", "запрет", "порядок" и "беспорядок" всего лишь аллегорические термины, случайно попавшие в сферу человеческих дел и событий.

Теперь обрати внимание на следующий факт: как только человек, разочаровавшись, перестает считать Бога добрым существом, существом, любящим людей, ему может прийти в голову, что Бог его обманывает. Даже если признать подлинность всех тех чудес, на которых основана вся система и которые только подтверждают несправедливость и бесчеловечность Бога, и тогда у нас не будет уверенности в том, что при самом строгом соблюдении всех заповедей нам удастся заслужить его благосклонность. Если он не наказывает тех, кто нарушает освященный им закон, соблюдать его не имеет никакого смысла, а когда соблюдение божьего закона сопряжено со страданиями и тяготами, мы видим, что Бог и бесполезен и зол, посему я опять спрашиваю тебя, достойно ли высших почестей такое существо? Я не говорю уже о том, что заповеди его вообще соблюдать не стоит настолько они абсурдны и противоречат здравому смыслу; они вредны для нашей нравственности, они приносят физические страдания, сами законодатели, твердящие об этих законах, нарушают их днем и ночью, а если на земле и есть люди, которые, на первый взгляд, искренне уважают божий закон, надо просто проверить их умственные способности. Перейдем к факту, обычно выдвигаемому как доказательство невероятного нагромождения тайн и недомолвок, я имею в виду рождение нашего смехотворного божества. Здесь все покоится на зыбком фундаменте

непонятных и противоречивых измышлений, которые, как будто нарочно, созданы для того, чтобы их осмеял любой, даже самый недалекий оппонент.

Можно со всей очевидностью заявить: из всех религий, сооруженных человечеством, нет ни единой, которая могла бы на законном основании претендовать на свое превосходство над остальными; нет ни одной, которая не была бы напичкана баснями, окутана ложью, переполнена извращениями; ни одной, не сопряженной с самыми большими опасностями, стоящими бок о бок с самыми вопиющими противоречиями. Безумцы стараются оправдать эти выдумки, для чего призывают на помощь чудеса, и в результате образуется замкнутый круг: сегодня чудо доказывает истинность религии, а минуту назад религия доказывала подлинность чуда. Причем чудеса требуются не только нашей религии они нужны им всем, без исключения; чудеса упоминаются в любом священном тексте, на каждой странице. У Леды был прекрасный лебедь, в пику ей Мария употребляла для той же цели голубя.

Словом, если даже допустить истинность этих чудес, напрашивается очевидный вывод: Бог творил их в интересах как истинных, так и ложных религий; в этом случае он непоследовательно равнодушен и к заблуждениям и к истине. Удивительно, что каждая секта твердо убеждена, по примеру своих соперников, в реальности признаваемых ею чудес. Если все эти чудеса ложные, придется признать, что целые нации поверили в фикцию, что же до их подлинности, безусловная вера народа еще ничего не доказывает. Но ни один из упоминаемых в Писании фактов нельзя доказать иначе, как только убеждением тех, кто в них уже поверил, следовательно, нет ни одного, твердо доказанного, и поскольку вся эта небывальщина представляет собой единственное средство, которое помогает нам поверить в религию, мы должны признать, что ни одна из них не основана на доказанных фактах и что следует относиться к ним как к игре фантазии, обмана, лжи и пренебрежению к разуму.

- Однако, наконец, смогла вставить я, если это не Бог и не религия, тогда что же движет вселенной?

- Милая девочка, отвечала мадам Дельбена, вселенная движется и живет сама по себе; достаточно вечных законов Природы, без всякой первопричины или первичного толчка, чтобы появилось все, что есть вокруг нас, и все, что мы знаем; бесконечное движение материи все объясняет, зачем же придумывать двигатель для того, что и без этого находится в постоянном движении? Вселенная это скопище самых непохожих друг на друга субстанций, которые взаимодействуют друг на друга и действуют друг против друга; нет ни начала, ни конца, ни застывших границ вселенная мне видится как нескончаемый переход от одного состояния к другому, в нем есть лишь отдельные элементы, которые меняются, но за всем этим я не вижу никакой универсальной причины, которая была бы отлична от вселенной и давала бы ей жизнь, обеспечивая изменения в отдельных, составляющих ее элементах. На мой взгляд и я уверена в этом абсолютно! дело обстоит именно так, как я тебе показала. Не надо расстраиваться, если мы не найдем никакой замены химерам, самое главное не делать причиной чего-то такого, что мы не понимаем, нечто, что мы понимаем еще того меньше.

Я показала тебе полную абсурдность идеи божественности, продолжала моя несравненная собеседница, и мне не составит труда вырвать с корнем предрассудки и суеверия, которые посеяли в твоей головке еще в тот день, когда ты, в самом нежном возрасте, впервые услышала рассуждения насчет принципа жизни; в самом деле, есть ли что-нибудь более нелепое, чем превосходство над животными, которым так гордятся люди?

Спроси у них, на чем зиждется это превосходство, и ты услышишь глупейший ответ: "У нас есть душа!" Тогда проси их объяснить, что они понимают под загадочным словом "душа". И ты увидишь, как они начнут ерзать и теряться в противоречиях. "Это неизвестная субстанция" будет первое, что они скажут. Затем: "Это скрытая внутренняя сила", и наконец пробубнят о некоем духе, о котором у них нет ни малейшего представления. Спроси у них, каким образом этот дух, который так же, как их Бог, вообще не имеет протяженности, сумел внедриться в их материальные, имеющие размеры, тела, и они ответят, что, по правде говоря, им сие не известно, что это тайна, что это устроил всемогущий и ловкий Бог. Вот такие, восхитительно примитивные представления имеют верующие об этой скрытой или, скорее, воображаемой субстанции, каковую глупость людская превращает в механизм, отвечающий за все их глупые деяния.

На эту чушь у меня есть только один ответ: если душа есть субстанция, совершенно отличная от тела и не имеющая к нему отношения, тогда их слияние невозможно. Кроме того, эта душа, будучи по сути своей отлична от тела, непременно должна действовать совсем другим способом, однако же мы видим, что импульсы, воспринимаемые телом, действуют и на эту так называемую душу, и упомянутые субстанции, такие разные, всегда действуют заодно. Ты можешь сказать, что подобная гармония составляет еще одну тайну, а я отвечу, что не чувствую в себе никакой души, что я привыкла ощущать только свое тело да, у меня есть красивое тело, оно чувствует, думает, оно высказывает суждения, страдает, наслаждается, и все его свойства и способности это неизбежные следствия его строения и организации.

Хотя человек абсолютно неспособен составить даже малейшего представления об этой пресловутой душе, хотя давно известно, что он чувствует, думает, приобретает понятия и представления, получает удовольствия и страдает от боли только через посредство ощущений или органов своего тела, он упрямо продолжает жить со своим безумием и доходит до такого состояния, что начинает верить в бессмертие души, о которой ему ничего не известно. Но, повторяю, даже если допустить наличие этой души, скажи на милость, как можно отрицать ее полную зависимость от тела, отрицать тот факт, что она неизбежно разделяет все превратности тела. Но еще абсурднее поверить в то, что по своей природе душа не имеет ничего общего с телом; нам могут внушить, что она способна действовать и чувствовать без помощи тела, словом, считают, что лишенная тела и очищенная от чувств, эта возвышенная душа сможет жить: страдать, испытывать приятные ощущения или жестокие муки. И вот на таком шатком и абсурдном фундаменте строится убеждение о бессмертии души.

Если спросить у них, почему они так жаждут верить в бессмертие души, они тут же взвоят: "Потому что в самой природе человека заложено желание вечной жизни". На это я отвечу так: "Но разве ваше желание есть доказательство желаемого? Какой же логике следует человек, когда осмеливается полагать, что стоит только пожелать чего-то, это непременно случится?" Мне могут возразить: "Ты нечестивица, раз лишена сладкой надежды на загробную жизнь и хочешь исчезнуть полностью и окончательно". Как будто страх исчезнуть бесследно ведь надежда на жизнь вечную не что иное, как самый низменный животный страх охранит их от смерти.

Нет и еще раз нет, Жюльетта! со страстным убеждением воскликнула эта вооруженная железной логикой женщина.

Нет, милая моя наперсница, я не сомневаюсь ни на йоту: когда мы умираем, мы

умираем по-настоящему. И внутри и снаружи бесследно и бесповоротно. Как только парки перережут тонкую нить, человеческое тело превратится в инертную массу, неспособную осуществлять те бесчисленные движения, которые все вместе составляют его жизнь. Мертвое тело уже не может перегонять кровь, дышать, переваривать пищу, думать и изрекать мысли и просто слова; говорят, что после смерти душа покидает тело, но сказать, что. эта никому неведомая душа служит жизненным принципом значит, вообще ничего не сказать, кроме того, что есть некая безвестная сила, которая может быть скрытым источником каких-то неуловимых движений. Нет ничего проще и естественнее, чем считать, что мертвый человек это бесчувственный и безнадежный труп, и нет ничего глупее, чем верить, что человек продолжает жить после своей смерти.

Мы смеемся над наивностью народов, у которых есть обычай вместе с умершими хоронить запасы пищи, но разве нелепее верить в то, что люди, вернее их трупы, будут питаться в могиле, чем воображать, что они будут думать, рождать приятные или неприятные мысли, развлекаться, раскаиваться, ощущать боль или радость, радоваться или печалиться, когда органы, служащие для передачи и восприятия ощущений и мыслей, сгниют дотла и превратятся в прах? Сказать, что души человеческие будут счастливы или несчастливы после смерти, это равносильно заявлению о том, что мертвецы смогут видеть пустыми глазницами, слышать провалами ушных раковин, ощущать вкус, не имея неба, обонять, не имея носа, осязать без пальцев. И подумать только, что эти люди считают себя чрезвычайно умными и мудрыми!

Догма о бессмертии души предполагает, что душа есть простая субстанция, иными словами, некий дух, но я не перестаю удивляться и вопрошать, что же такое дух.

- Мне внушали, - осмелилась заметить я, - что душа - это субстанция, не имеющая протяженности, неразложимая субстанция, которая не имеет ничего общего с материей.

- Если так, - тут же прервала меня моя наставница, - скажи мне, каким образом твоя душа рождается на свет, растет, набирается сил, взрослеет и стареет, и как все это связано с развитием твоего тела? Подобно миллионам глупцов, которые думают точно так же, ты мне ответишь, что все это сплошная тайна, но если это тайна, тогда эти идиоты ничего в ней не смыслят, а раз ничего не смыслят, как же могут они авторитетно заявлять о том, чего не в состоянии понять? Чтобы верить во что-то или что-то утверждать, разве, по меньшей мере, не надо знать, в чем заключается предмет, в который ты веришь или который отстаиваешь? Вера в бессмертие души, равнозначная убеждению в существовании предмета, о котором нельзя составить ни малейшего представления, - это вера в набор пустых слов при невозможности ассоциировать с ними какое-нибудь разумное понятие, то есть это последняя стадия безумия и тщеславия.

Какая странная логика у наших теологов! Когда они не могут боготворить естественные причины вещей, они тут же хватаются за придуманные наспех сверхъестественные причины, создают себе духов и богов оккультных и непостижимых посредников; или, скорее, придумывают для них понятия - понятия, еще более туманные, чем явления, которые они обозначают. Так что нам лучше всего оставаться в царстве Природы, если мы хотим познать ее механизмы и их следствия; ни в коем случае нельзя отрываться от нее, если мы хотим объяснить явления, окружающие нас; пора перестать заниматься поисками причин, слишком неуловимых для наших органов чувств, пора, наконец, осознать, что, повернувшись к Природе спиной, нам никогда не решить проблем, которые она ставит перед нами.

Оставаясь в узких рамках своих теологических гипотез, иными словами, предполагая,

что материей движет всемогущий движитель, по какому праву они отрицают власть своего Бога вложить в эту материю способность мыслить и чувствовать? Допустив, что материя может мыслить, мы могли бы хоть чуточку приблизиться к предмету ее мысли или к тому, как эта мысль на нас воздействует; но признавая за нематериальной субстанцией способность мыслить, невозможно подойти к ее пониманию. Нам могут возразить, что материализм низводит человеческое существо до состояния простой машины, что, следовательно, материализм презирает людей, но разве уважение к ним заключается в том, чтобы утверждать, что человек действует по велению таинственных импульсов души или чего-то другого, что вдыхает в него жизнь, правда, непонятно каким образом?

Превосходство духа над материей или души над телом теологи основывают на нашем невежестве относительно природы этой души, считая, что каждый из нас хорошо знаком с материей и плотью и воображает, что знает, как они выглядят и даже как они функционируют. Однако любой проницательный ум знает, что даже самые простейшие процессы в нашем теле так же трудно понять, как и загадочные движения мысли.

Почему же так много людей несокрушимо верят в духовную субстанцию? Я могу дать только одно объяснение: из-за полной своей неспособности вразумительно определить ее. Пренебрежение наших теологов к плоти происходит только от того факта, что близкое знакомство воспитывает презрение. Когда нам говорят, что душа выше тела, это значит лишь то, что неведомое обыкновенно считается деликатнее и благороднее, чем предмет, о котором есть хоть какое-то, пусть и поверхностное представление.

Они неустанно забивают нам головы бесполезными догмами о загробной жизни; они заявляют, что даже если все это думка, она все равно благотворна, ибо помогает людей и направлять их на путь добродетели. Тогда мне очень интересно знать, делает ли эта догма людей лучше и добродетельнее. И я осмелюсь утверждать, что напротив, она лишь делает их грязными, лицемерными, злыми, подавленными, сварливыми, и ты всегда найдешь больше добродетелей и благонравия среди тех людей, которые не обременены этими идеями, чем у тех, что служат опорой религии. Если бы люди, призванные учить и наставлять других, сами были мудры и добродетельны, тогда мы имели бы идеальное правление, но негодяи, шарлатаны, отъявленные головорезы или подлые трусы, каковыми и являются законодатели, решили, что лучше напичкать мозги нации детскими сказками на ночь, нежели говорить правду, развивать образование среди населения, вдохновлять людей на добро, пользуясь понятными и рациональными мотивами, одним словом, управлять разумным образом.

Я не сомневаюсь, что у священников есть свои причины придумывать и рассказывать нелепые сказки о бессмертии души: разве могли бы они без этого отобрать хоть одно су у умирающего? Конечно, эти отвратительные догмы о Боге и душе, которые переживут нас с тобой, бесполезны для человечества, но надо признать, что они нужны тем, кто отравляет общественное сознание.

- Однако, - возразила я, - разве догма о бессмертии души не утешает бедных и несчастных? Пусть это иллюзия, но разве она не успокаивает и не радует? Разве не благо, если человек поверит в то, что он переживет и себя и свои скорби и когда-нибудь в небесах вкусит блаженство, которое заказано ему в этом мире?

- Честно говоря, - отвечала Дельбена, - я не думаю, что желание утешить кучку болванов и неудачников может оправдать поголовное отравление мозгов миллионов уважаемых людей; помимо того, разве можно искажать истину ради чьего-то блага или желания? Так будь мужественна и смирись с судьбой, которая предписывает, что ты, вместе со всеми

остальными, будешь брошена обратно в тигель Природы и вскоре возродишься снова в какой-то иной форме, ибо ничто не исчезает бесследно во чреве этой матери человечества. Составляющие нас элементы вначале разлагаются, затем соединяются заново уже по-другому, в иных сочетаниях, как тот вечнозеленый лавр, что растет на могиле Вергилия. И теперь я спрошу вас, тупых верующих, разве эта разумнейшая трансмиграция хуже вашей альтернативы рая или ада? Нас всех вдохновляет мысль о рае, но мало кто думает с восторгом об аде, между тем идиоты-христиане твердят, что для спасения требуется милость, которую Бог обещал немногим! Очень утешительная мысль! Кто из вас не предпочел бы исчезнуть без следа, чем вечно гореть в огне? Кто тогда осмелится спорить, что освобождение от этого страха в тысячу раз гуманнее, чем томительное ожидание милостей от Бога, раздающего их только небольшой кучке своих закадычных приятелей и обрекающего всех прочих на вечные муки? Только фанатизм или безумие могут заставить отвергнуть ясную и надежную перспективу и броситься в объятия другой, где царит неуверенность, доходящая до отчаяния.

- А что же будет со мной? - спросила я. - Я так боюсь этой темноты, меня страшит это вечное небытие.

- Скажи мне, пожалуйста, кем ты была до рождения? усмехнулась моя блестящая собеседница.

Кусочком неорганизованной материи без всякой определенной формы или, в крайнем случае, лишенным той формы, которую ты могла бы запомнить. Так вот, ты снова обратишься в те же самые или подобные им кусочки материи, ты станешь сырьем, из которого выйдут новые существа, и это произойдет самым естественным образом. Тебе будет приятно? Нет. Может быть, ты будешь страдать? Тоже нет. Чем является человек, который жертвует всеми своими удовольствиями в обмен на уверенность в том, что никогда не будешь испытывать боли? Чем был бы человек, если бы отказался от такой сделки? Инертной бесчувственной массой. А чем он станет после смерти? Той же самой массой. Тогда что толку дрожать от страха, если закон Природы недвусмысленно обрекает тебя на то самое состояние, которое ты бы с восторгом приняла, если бы имела возможность выбирать? Скажи, Жюльетта, разве ты существовала до начала века? Нет, и факт этот не приводит тебя в отчаяние. Может быть, есть более веская причина сокрушаться о том, что ты перестанешь существовать до окончания века? О, ля, ля! Успокойся, голубка моя: смерть страшит только наше воображение, создавшее проклятую догму о загробной жизни.

Душа, или, если хочешь, активный принцип, который оживляет, формирует нас и движет нами, есть не что иное, как облагороженная до некоторой степени материя, и в результате этого она приобретает свойства, которые приводят нас в изумление. Разумеется, не всякая часть этой материи способна на такое превращение, но за счет сочетания с другими частями, образующими наше тело, материя достигает столь высокой степени развития; это можно сравнить с искрой, которая становится пламенем, когда попадает в маслянистые или другие горючие материалы. В конце концов, душу можно рассматривать двояким образом: как активный принцип и как принцип мыслящий, и в том и в другом случае можно доказать ее материальность при помощи двух неопровержимых силлогизмов. Первый: активный принцип предполагает деление, так как сердце после умирания тела довольно долгое время продолжает работать, продолжает биться, то есть материально то, что способно к делению. Душа, рассматриваемая как активный принцип, делима и, следовательно, материальна. Второй: все, что подвержено структурному разложению,

материально, а то, что духовно, разлагаться не может: состояние души связано с телом, душа слаба в юном теле и дряхлеет в старом, словом, испытывает телесное воздействие, однако все, что структурно разлагается, является материальным: душа увядает, значит, и она материальна.

Пора сказать прямо и честно, что нет ничего чудесного в феномене мысли, по крайней мере нет ничего, что доказывало бы отличие этого феномена от материи, ничего, что указывало бы на неспособность этой материи, облагороженной или организованной каким-то образом, порождать мысль, и вот это понять несравненно легче, чем понять существование Бога. Если бы эта возвышенная душа на самом деле была делом рук Божьих, почему тогда она участвует во всех изменениях и случайностях, которым подвергается тело? На мой взгляд, будь она божественным творением, душа была бы совершенной, а совершенство состоит не в том, чтобы претерпевать изменение вместе с такой низменной материальной субстанцией как человеческое тело. Если бы она была творением Бога, она бы не ощущала телесного разложения и не была бы его жертвой; если бы душа обладала божественным совершенством, ей не нужно было бы стремиться к этому она формировалась бы с самого начала, вместе с зародышем, и Цицерон написал бы свои "Tusculanae disputationes", а Вольтер свою "Альзиру" еще в колыбели. Однако это не так и быть так не может, потому что душа созревает шаг за шагом по мере развития тела, потом, вместе с ним, деградирует, следовательно, душа состоит из частей материального порядка. Я ясно выражаюсь? Ну так вот, теперь тебе придется признать абсолютную невозможность существования души без тела, а последнего без души.

Точно так же нет ничего удивительного в верховенстве души над телом. Тело и душа одно целое, составленное из равных частей, однако в этой системе более грубое должно занимать подчиненное положение по отношению к более утонченному по той же самой причине, по какой пламя свечи материальная субстанция вторично по отношению к пожираемому им воску, который также материален; так и в нашем теле мы видим конфликт между двумя веществами, причем более тонкое главенствует над более грубым.

Я надеюсь, Жюльетта, что дала тебе даже больше, чем требуется, чтобы убедить тебя в ничтожестве Бога, о существовании которого нам твердят столько веков подряд, и его догм, приписывающих душе бессмертие. Как же хитры и коварны были те нищие, что придумали эту парочку чудовищных понятий! Как только они не изощряются, как не измываются над людьми, называя себя служителями божьими, и от их настроения, в конечном счете, зависит все в этой жизни! Насколько сильно их влияние на умы простого люда, который из страха перед предстоящими муками вынужден поклоняться этим лжецам самозванным и единственным посредникам между Богом и человеком, всемогущим шарлатанам, чье вмешательство, минуя Господа, может решить судьбу любого. Таким образом, все эти сказки являются плодом тщеславного воображения, корысти, гордыни и нечистоплотности кучки самоуверенных типов, процветающих на лишениях всех остальных, и посему заслуживают нашего презрения и забвения. Ах, милая Жюльетта, я тебя прошу и умоляю презирать их так, как презираю я! Говорят, что подобная философия ведет к деградации нравов. Ерунда! Тогда получается, что для них нравы важнее, чем религия? Нравы зависят единственно от географической широты, в которой угораздило оказаться той или иной стране, поэтому представляют собой игру случая и ничего больше. У Природы нет никаких запретов, сами люди сочиняют законы, которые самым мелочным образом ограничивают их свободу. Законы и обычаи зависят от того, холодно или жарко в данной стране, плодородна или

бесплодна почва, от климата и типа живущих там людей, и эти непостоянные факторы формируют наши манеры и нашу мораль. Человеческие законы и постановления это всегда и неизбежно путы и оковы, они ничем не освящены и ни на чем не основаны с точки зрения философии, которая моментально обнаруживает ошибки, разоблачает мифы и дает умному человеку знания о великом промысле Природы. Аморальность вот высший закон Природы: никогда не опутывала она человека запретами, никогда не устанавливала правил поведения и морали: Возможно, ты подумаешь, что я слишком категорична, слишком нетерпима ко всяческому игу, однако прежде всего я хочу раз и навсегда покончить с абсурдным и ребяческим обязательством по отношению к другим людям. Подобные обязательства противоречат тому, что внушает нам Природа, так как единственная ее заповедь гласит: наслаждайся как тебе угодно, с кем угодно и за счет кого угодно. Я не отрицаю, что наши удовольствия могут стать причиной чьих-то страданий, но разве от этого удовольствия для нас менее приятны? В свое время мы вернемся к этому разговору, а пока я вижу, что мои рассуждения о морали были не менее убедительны, чем мои мысли насчет религии. Теперь пора перейти от разговора к делам, тогда только ты окончательно поймешь, что можно делать все, абсолютно все, не опасаясь, что совершаешь при этом преступления. Два-три неординарных поступка и ты сама убедишься, что все позволено.

Возбуждись от ее речей, я бросилась в объятия своей старшей и мудрой подруги и тысячью разных способов продемонстрировала ей благодарность за заботу, проявленную о моем воспитании.

- Я обязана вам больше, чем жизнью, несравненная Дельбена! Я поняла, что нельзя жить без философии. Можно ли назвать жизнью жалкое прозябание под игом лжи и глупости? Я к вашим услугам, продолжала я, стораю от нетерпения.

Я хочу быть достойной вашей нежной дружбы и на вашей груди дать клятву навсегда забыть о заблуждениях, которые вы уничтожили во мне. Умоляю вас: продолжайте мое обучение, продолжайте вести меня к счастью я доверяюсь вам целиком; делайте со мной, что хотите, и знайте, у вас никогда не будет более пылкой и послушной ученицы, чем Жюльетта.

Дельбена была вне себя от восторга: для развращенного ума нет острее удовольствия, чем развращение учеников и последователей. Сладкой дрожью сопровождается процесс обучения и не с чем сравнить наслаждение, когда мы видим, как другие заражаются той же безнадежной болезнью, которая пожирает нас самих. А как радостна власть над их душами, которые как будто творятся заново благодаря нашим советам, настояниям и ласкам. Дельбена с лихвой вернула мне все поцелуи, которыми я ее осыпала, и вперемежку с ласками бормотала, что скоро, совсем скоро, я сделаюсь такой же беспутной, как она неуязвимой, неукротимой и жестокой маленькой распутницей, что в том волшебном мире, куда она ведет меня, я совершу множество злодеяний, а когда Господь захочет узнать, что же случилось с доброй маленькой Жюльеттой, она, Дельбена, гордо выступит вперед и примет наказание за разрушение моей юной души. Когда страсть наша ослабевала от утомления, мы разжигали ее пламя пылающей лампой философии.

- Послушай, сказала, наконец, Дельбена, если уж ты так хочешь потерять невинность, я удовлетворю тебя незамедлительно.

При этой мысли распутница снова обезумела от вожделения, немедля вооружилась искусственным органом и стала, сначала осторожно, водить им по моим нижним губкам, повторяя, что это подготовит меня и поможет перенести предстоящую боль; потом она

неожиданно содрогнулась в бурном оргазме, с силой втокнула инструмент в отверстие и с моей невинностью было покончено. Невозможно описать словами мои страдания, но резкая пронизывающая меня боль, вызванная ужасной операцией, тут же сменилась невообразимым наслаждением. Между тем ярость неугомонной Дельбены только возрастала: осыпая меня сильными хлесткими ударами, она глубоко проникла своим языком мне в рот, потом, терзая мои ягодицы обеими судорожно стиснутыми руками, заставила меня кончать в своих объятиях чуть не целый час подряд и прекратила сладостную пытку, только когда я взмолилась о пощаде.

- Отомсти, отомсти же мне, бормотала она, задыхаясь, вознагради меня. Видишь, как я горю, как я сгораю от страсти; я так утомилась с тобой, что, видит Бог, теперь мне тоже надо разрядиться.

В мгновение ока из вожденной любовницы я превратилась в самого страстного любовника: я навалилась на Дельбену и ввела в действие скребок. О, Боже, как это было приятно! Ни одна женщина в мире не извивалась и не трепетала так страстно, ни одна не парила столь высоко на крыльях наслаждения десять раз подряд эта распутница извергла свое семя, и я подумала, что она растворится в нем.

- Ох, наконец-то я утолила свою душу, проговорила я, откидываясь на подушки.

Воистину, чем больше мы знаем, тем сильнее чувствуем всю приятность сладострастия и похоти.

- Несомненно, ответствовала Дельбена.

И причина здесь предельно проста: сладострастие не терпит запретов и достигает зенита, только попирая их все, без исключения. Чем талантливее и одареннее человек, тем больше он сокрушает препятствий и тем решительнее это делает, значит, интеллектуально развитые люди гораздо глубже чувствуют удовольствия либертинажа.

- Мне кажется, исключительная утонченность высокоразвитых организмов также способствует тому, продолжила я.

- И в этом нет никаких сомнений, сказала мадам Дельбена.

Ведь чем лучше отполировано зеркало, тем лучше оно принимает и отражает окружающие предметы.

Наконец, когда изнурительные упражнения выжали из нас обеих все соки до самой последней капли, я напомнила своей наставнице о ее обещании позволить мне лишиться невинности Лоретту.

- Я этого не забыла, ответила она.

И это произойдет сегодня ночью. Когда все разойдутся спать, ты потихоньку выйдешь и присоединишься к Флавии и Вольмар. Остальное предоставь мне; сегодня ты будешь допущена к нашим мистериям. Будь же мужественна, будь тверда и стойка, Жюльетта: я собираюсь показать тебе удивительные вещи.

Но каково было мое удивление, когда в тот же день я услышала, что одна пансионерка только что сбежала из аббатства. Я спросила ее имя. Это была Лоретта.

- Лоретта! удивилась я. И тут же подумала: "Боже мой, а я так на нее рассчитывала... Одна мысль о ней приводила меня в экстаз... О, вероломная! Выходит, я напрасно предвкушала неземные наслаждения?"

Я спросила о подробностях побега, но никто ничего не знал; я кинулась сообщить об этом Дельбене дверь ее была заперта, и у меня не было возможности увидеть ее до назначенного часа. Ах, как медленно тянулось время! Наконец, я услышала колокольный звон. Вольмар и Флавия пришли раньше меня и находились уже в апартаментах Дельбены.

- Мадам, обратилась я к настоятельнице, значит, вот как вы держите свое слово? Лоретта пропала, исчезла. Кто же заменит ее?

Потом раздраженно добавила:

Значит, мне не придется насладиться удовольствием, которое вы мне обещали...

- Жюльетта, прервала меня Дельбена, и тон ее был холоден, а взгляд суров, самое главное в дружбе это доверие, дорогая моя; ты желаешь быть с нами, а для этого требуется больше самообладания и меньше подозрительности. Теперь подумай сама: мыслимо ли, чтобы я обещала тебе удовольствие, не имея возможности дать тебе вкусить его? Неужели ты считаешь меня недостаточно умной или не веришь, что мое положение в этом доме достаточно высокое? Ведь устроить такие вещи зависит исключительно от меня, так как же тебе могло прийти в голову, что ты лишишься обещанных наслаждений? Тьфу! А теперь следуй за нами. Все в порядке. К тому же я обещала, что ты увидишь нечто необычное.

Дельбена зажгла маленькую лампу и пошла впереди. Вольмар, Флавия и я шли следом. Мы вошли в часовню, и тут к своему немалому удивлению я увидела, что настоятельница нагнулась, неожиданно приподнялся надгробный камень, открылся проход, и Дельбена спустилась в святилище смерти. Мои уже прошедшие инициацию подруги молча следовали

за ней; мне стало немного не по себе, и Вольмар приободрила меня. Когда мы спустились, Дельбена закрыла тяжелую плиту над нашими головами. Теперь мы находились в сводчатом подземелье, которое служило усыпальницей всем женщинам, умершим в монастыре. Мы двинулись дальше; отодвинулся в сторону еще один камень, еще пятнадцать или шестнадцать ступеней вниз, и мы оказались в комнате с низким потолком, украшенной с большим вкусом и проветриваемой воздухом, который поступал из сада наверху через вертикальный ствол. Ах, друзья мои! Кого бы, вы думали, я увидела там?.. Лоретту, убранную и наряженную наподобие весталок, которых в старину приносили в жертву на алтарях Бахуса; еще я увидела аббата Дюкроза, первого викария Парижского архиепископа, мужчину лет тридцати, очень приятной наружности, в чьи функции входил надзор за Пантемоном. Третьим был отец Телем, темноволосый красавец монах из братства Реколле, тридцати трех лет, исповедник новеньких монахинь и пансионеров.

- Она боится, кивнула в мою сторону Дельбена, подходя к мужчинам и представляя меня.

Послушай, юная девственница, при этом она коснулась поцелуем моих губ, мы собираемся здесь единственно для того, чтобы сношаться в свое удовольствие и совершать мыслимые и немыслимые злодейства и прочие жестокости. А забрались мы в это царство мертвых затем, чтобы как можно дальше быть от живых. Таким растленным и порочным распутницам и распутникам, как мы, хочется спрятаться еще глубже в чрево земли и не иметь ничего общего с людьми и их нелепыми законами.

Я вся была во власти похоти, и эти откровенные замечания, признаться, совсем не тронули меня.

- О, небо! воскликнула я с изумлением.

И чем же мы будем заниматься в этих подземельях?

- Преступлениями, спокойно ответила Дельбена,

Мы предадимся преступлениям на твоих глазах, мы заставим тебя делать то же, что будем делать мы. Уж не передумала ли ты ненароком? Или я в тебе ошиблась? А я, между прочим, уже предупредила наших друзей, что на тебя можно положиться.

- И вы еще сомневаетесь, с упреком, решительно заявила я.

Клянусь, что бы здесь ни происходило, во мне не будет ни капельки страха.

После чего Дельбена приказала Вольмар раздеть меня.

- У нее красивейший в мире зад, восхищенно заметил викарий, увидев меня обнаженной.

Тут же на мои ягодицы обрушились поцелуи, похлопывания и пощипывания, затем, поглаживая одной рукой мое едва оперившееся влагалище, божий человек достал свой член и начал тереться им в ложбинке между моими задними полушариями; вначале он лишь слегка касался сжавшейся от испуга маленькой норки, потом проник внутрь, как мне показалось, без видимого усилия, и в следующий миг горячий орган Телема проскользнул в мою вагину.

Извержение наступило одновременно у обоих. Почти сразу я ответила тем же.

- Жюльетта, сказала наставница, когда двойное совокупление окончилось к удовольствию всех троих, мы доставили тебе два самых острых наслаждения, какие может испытать женщина, теперь ты должна сказать нам со всей откровенностью, какое из них было приятнее.

- По правде говоря, мадам, ответила я, каждое доставило мне величайшую радость, и я

даже не могу сказать, какое было больше. Меня до сих пор пробирает такая сладостная дрожь, что мне трудно определить, от чего она происходит.

- Тогда надо повторить все сначала, предложил обрадованный Телем;

Мы с аббатом поменяемся местами, и после этого милая наша Жюльетта окажет нам любезность ответить на наши вопросы.

- Охотно, подхватила я.

Совершенно согласна с вами, что только повторение поможет мне разобраться в своих ощущениях.

- Прелесть, не правда ли? удивленно заметила настоятельница.

Для первого раза было более, чем достаточно, и вот мы видим перед собой самую очаровательную сучку, какие только у нас были. Однако сделаем так. Чтобы наслаждение испытала не только Жюльетта, но чтобы и мы приняли участие в этом празднике.

Телем, который только что развлекался с моей куночкой, пристроился сзади; его член был несколько толще, чем у его собрата, но, хотя я была новичком в таких делах. Природа столь удачно вылепила меня, что я приняла его целиком с удивившей меня легкостью. Мой клитор упирался прямо в губы настоятельницы, и неутомимая искусница, блаженно распростершись прямо на твердом каменном полу, обсасывала его усердно, как младенец сосет материнскую грудь; ее немного раздвинутые бедра сжимали голову Лоретты, и, рыча и мурлыкая от удовольствия, великая блудница неистово работала руками, помогая мастурбировать, с одной стороны, Вольмар, с другой

Флавии. А над Лореттой стоял на коленях Дюкроз и терся своим органом о ее ягодицы, однако внутрь не проникал это был вопрос чести, и право лишить девочку девственности принадлежало только мне.

Всему этому разгулу предшествовал недолгий момент затишья, затаившегося перед бурей покоя, как будто участники спектакля желали в спокойном созерцании и в полной мере вкушать предощущение сладострастной похоти, как будто боялись неосторожным словом спугнуть это чувство. От меня требовалось сконцентрировать все внимание и мысленно разложить процесс наслаждения на атомы, ибо после я должна подробно рассказать о своих впечатлениях. Я погрузилась в неописуемый экстаз: почти невозможное на свете удовольствие, которое производили во мне глубокие и размеренные толчки монашеского члена, сладостная агония, в которую, как в водоворот, увлекал меня язык настоятельницы, обкалывающий тысячью иголок мой хоботок, роскошно-похотливые сцены, будоражившие Мой мозг, весь этот праздник сладострастия доводил все мое существо до иступления, до бреда, и в этом бреде я хотела остаться навсегда.

Первым обрел дар речи Телем, но его заикающийся, его непослушный язык гораздо лучше передавал его чувства, нежели его мысли. Мы ничего не смогли разобрать в этом бормотании, кроме невнятных богохульств, хотя, по-моему, он прилагал все усилия, чтобы сказать, в какое состояние привели его жаркие и судорожные объятия моего ануса.

Наконец, придя в себя, он поведал нам, что готов хотя сейчас еще раз излить свои чувства в прекраснейшую из всех задниц.

- Не знаю, что было приятнее для Жюльетты: принимать мою плоть в свои потроха или в вагину, но со своей стороны я могу поклясться, что содомия для меня была в тысячу раз приятнее.

- Это дело вкуса, заметила Дельбена, продолжая все сильнее массировать зад Лоретты и умудряясь целовать при этом ягодицы Флавии.

- Все зависит от философии человека, согласилась Вольмар, которая была на седьмом небе от неистовых ласк Дельбены и сама, языком, ласкала Дюкроза.

Хотя я и женщина, но совершенно с тобой согласна, и будь я мужчиной, я бы совокуплялась только в задний проход.

Не успев договорить свои непристойные речи, это ненасытное существо задергалось от внезапно наступившего оргазма. За ней настал черед Телема: он пришел в неистовство и, повернув к себе мою голову, сунул мне в рот огромный, величиной с ладонь язык; следом за ним Дельбена яростно задвигала языком и, как мне показалось, высосала из меня все, что там еще оставалось. Я обмякла и погрузилась в истому. Я хотела стоном выразить свой восторг, но дергающийся язык Телема помешал мне, и монах проглотил мои вздохи. А в это время где-то внизу, у меня между ног, нектар, который я исторгла в изобилии, залил лицо моей наставницы, заполнил ей рот, и она сама исторгла поток семени в глотку Лоретты; Флавия присоединилась к нам в следующий момент, изрыгая ругательства как матерый солдат.

- Теперь сделаем по-другому, произнесла Дельбена, поднимаясь на ноги.

Жюльетта ляжет на Дюкроза и будет принимать его спереди. Вольмар будет обсасывать заднюю норку Жюльетты. Я хочу лизать нижние губки Вольмар, а Телем займется моим влагалищем и влагалищем Лоретты. Ну, а Флавия может делать все, что ей вздумается, с анусом Телема.

Новые извержения в честь Киприды завершили второй эксперимент, затем меня вновь подвергли допросу.

- Ах, мадам, отвечала я Дельбене, которая первой задала вопрос, раз уж я должна быть искренней и откровенной, скажу, что член, что ласкал меня сзади, доставил мне наслаждение более сильное и, я бы сказала, более нежное, чем тот, что был в моей куночке. Мне, возможно, недостает возраста и опыта, я, наверное, застенчива и не привыкла к удовольствиям, которыми вы меня одарили сегодня, так что могу и ошибаться насчет их приятности, но вы хотели знать, и я вам ответила.

- Подойди поцелуй меня, мой ангел, заговорила мадам Дельбена.

Ты чудная девочка, и ты попала в хорошую компанию. И нет сомнений, воодушевлялась она, абсолютно никаких сомнений в том, что ни одно удовольствие не может сравниться с тем, какое мы получаем сзади, и как несчастны те недалекие, малодушные девицы, которые, не имея никакого воображения, боятся испробовать этот волнующий акт. Бедняжки, они не достойны того, чтобы посвятить себя Венере, и никогда Пафосская Богиня не вознаградит их своими милостями.

Так пусть же и мой зад испытает то же блаженство! вскричала вдруг Дельбена, становясь на колени на краешек дивана.

Вольмар, черт тебя побери! Где ты, Вольмар? Флавия! Жюльетта! Хватайте скорее инструмент, а вы, Дюкроз и Телем, готовьте свои беспощадные копья и без жалости вонзайте их между ягодиц этим сучкам! А вот вам моя собственная попа, вот моя потаенная норка. Не щадите ее! Ложись рядом со мной, Лоретта, я потом придумаю, что с тобой делать.

Судя по тому, как восторженно либертина приветствовала каждое проникновение, было ясно, что эта, весьма непростая процедура была для нее привычным делом. Пока одна из нас старательно трудилась над ее приподнятым задом, вторая в это время, наклонившись, целовала ей клитор и нижние губки, и эта настойчивая и вместе с тем нежная мастурбация

была той изысканной приправой, какую может приготовить только умелый и опытный кулинар и какую в состоянии оценить лишь тонкий аристократический вкус. Между тем растущее возбуждение приводило Дельбену в бешенство положительно, в этой женщине страсти говорили языком жестокого безжалостного победителя, и мы скоро начали замечать, что Дельбена не столько ласкала маленькую бедную Лоретту, сколько делала ее объектом своей ярости, и тело несчастной на наших глазах покрывалось следами укусов, синяками и глубокими царапинами.

- Разрази меня гром! застонала, наконец, Дельбена, после чего Телем и Вольмар удвоили свои усилия.

Давайте, выжимайте из меня все соки! Я истекаю... Я умираю от наслаждения... Довольно... Вот и все... А теперь отдохнем и немножко побеседуем, заговорила она, оглядывая нас умиротворенными глазами.

Важно не только испытывать острые ощущения, но и уметь анализировать их. Порой обсуждать их не менее приятно, чем получать. Словом, когда вы дошли до предела физических возможностей, можно пустить в ход интеллектуальные. Почему у тебя такой беспокойный вид, Жюльетта? Неужели до сих пор боишься, что мы тебя обманем? Успокойся: это твоя жертва, указала она на Лоретту.

Ты будешь ее мучить и насиловать и спереди и сзади, это дело решенное. Слово либертины верно так же, как и искренна ее извращенная похоть. Вы, Телем и Дюкроз, устраивайтесь поближе во время беседы я хочу трогать ваши уставшие члены, хочу снова привести их в нормальное состояние; мои пальцы наполнят их новой энергией, и эта энергия будет питать мою речь. Вот увидите, как будет возрастать мое красноречие, я буду не Цицероном, который вдохновлялся восторгом толпы, стоявшей вокруг трибуны, я буду Сафо, черпавшей вдохновение в сперме, которую она выжимала из прекрасной Дамофилы.

Я хочу сказать, были следующие слова Дельбены, которые она произнесла, как только пришла в себя настолько, чтобы начать серьезный разговор, что в этом мире ничто не возмущает меня так, как моральное воспитание или воспитание чувств, какое обычно получают у нас девушки. Создается впечатление, что его единственная цель состоит в том, чтобы вбить в подопечных понятия и мысли, которые противоречат всем естественным их побуждениям. Может ли кто-нибудь сказать мне, потому что я давно и искренне хочу знать это, для чего нужна обществу целомудренная благонравная женщина? И есть ли что-нибудь более бесполезное, чем добродетельная жизнь, которая, с каждым уходящим навсегда днем, только еще больше оболванивает и разрушает наш пол? Нам, женщинам, постоянно внушается добродетель, а я попытаюсь показать вам, что в каждой фазе жизни женщины добродетель самая никчемная вещь.

До того, как девушка выйдет замуж, какое преимущество дает ей ее девственность? И до какой степени может доходить безумие, если некоторые всерьез считают, что честь и достоинство женского рода зависит от наличия или отсутствия одной мизерной части ее тела? Для чего Природа сотворила людей? Не для того ли, чтобы помогать друг другу и, следовательно, доставлять другим всевозможные удовольствия? Если мужчина ждет от юной девушки максимальных наслаждений, зачем же плевать на замыслы и законы Природы и заточать несчастную в жестокие оковы добродетели, которая запрещает ей отдаваться своему мужчине со всей неукротительностью ее натуры? Можно ли допустить такое варварство, даже не пытаясь оправдать его? Но чем можно оправдать тот факт, что девушка обязана хранить целомудрие? Вашей религией, обычаями, привычками? Что может быть

нелепее и смешнее, чем подобное оправдание? Давайте оставим религию в покое я знаю, как вы все относитесь к этой чепухе. Но вот, что касается условностей: могу я спросить у вас, что это такое? Если я не ошибаюсь, этим словом обозначают определенное поведение отдельных личностей у себя дома и в обществе. Вы согласитесь, что эти условности должны способствовать счастью людей, если это не так, значит, они глупы, если они мешают счастью, значит, они жестоки и бесчеловечны, и любая просвещенная нация обязана позаботиться о том, чтобы они служили общему благу. Теперь скажите мне, каким образом наши французские обычаи, особенно, что касается плотских удовольствий, отвечают благосостоянию страны? Во имя чего они вынуждают девушку, это бедное создание, так упорно держаться за свою девственность? Ведь это вопиющий вызов Природе

Природе, которая внушает ей избавиться от этого бремени; кроме того, это прямой ущерб ее здоровью, которое жестоко страдает от этого! Вы можете ответить, что она должна попасть в руки своего мужа чистой и незапятнанной. Но почему вы не допускаете, что это выдумка умов, извращенных предрассудками? Подумать только: чтобы доставить какому-то самцу удовольствие сорвать первые плоды, бедной девушке приходится десять лет отказываться от собственной сущности! Ради чего должна она заставлять мучиться сотни своих поклонников, чтобы в один прекрасный день выбрать одного из них и доставить только ему наслаждение? Можно ли представить что-нибудь более неразумное, существует ли более чудовищный замысел? Можете вы я вас спрашиваю! привести столь же красноречивый пример попрания всеобщих интересов? Есть ли у человечества более опасный враг, чем эти отвратительные условности? Да здравствуют те, кто, пребывая в неведении относительно таких беспочвенных глупостей, тем больше уважает юных представительниц нашего пола, чем непристойнее они себя ведут! Только в постоянных безумствах заключается истинная добродетель девушки: чем чаще она отдается, тем больше ее любят; чем больше она совокупляется, тем большую радость она излучает и тем вернее способствует счастью своих соотечественников. Какие же они варвары те мужья, что одержимы призрачным удовольствием сорвать первую розу! Ведь они деспоты, если держатся за это свое право, отказывая в нем другим мужчинам. А возьмем это неуважение к девушке, когда она, не имея опыта, с мужчинами, не смогла дождаться, чтобы подарить одному из них самое ценное, что у нее есть, и, услышав зов Природы, имела все основания не ждать этого момента. Теперь рассмотрим вопрос добродетельности женщин, которые стали женами. В данном случае речь идет о супружеской неверности, о поведении, которое принято считать дурным.

Наши обычаи, правила поведения, религиозные верования, общественные установления короче, все эти ничтожные факторы не выдерживают никакой критики; и дело совсем не в том, чтобы доказать, что адюльтер является преступлением, скажем, в глазах и лапландцев, которые его допускают, и французов, которые его запрещают, дело в том, чтобы решить, ошибается ли на сей счет человечество, и оскорбляет ли это Природу. Во-первых, чтобы принять такую гипотезу, надо абсолютно отрицать мощь плотских желаний, которые наша матушка-природа вложила в мужчин и женщин. Вполне очевидно, что если бы одному мужчине было достаточно одной женщины, или если бы одна женщина могла удовлетвориться одним мужчиной, тогда, согласно этой гипотезе, тот, кто нарушает законы, бросает вызов Природе. Но если плотские желания таковы, что женщине одного мужчины совершенно недостаточно, а ему, в свою очередь, требуется много женщин, я надеюсь, вы согласитесь, что в таком случае любой закон, сковывающий эти желания, можно назвать

деспотическим и противным Природе. Ложная добродетель, называемая целомудрием самый смешной из всех существующих предрассудков, ни в коей мере не делает никого счастливым и наносит непоправимый урон всеобщему благу, ибо подобная добродетель приводит к слишком жестоким лишениям; я утверждаю, что подобная псевдобродетель есть идол, который питается страхом перед супружеской изменой, следовательно, долг каждого здравомыслящего человека внести девственность в число самых отвратительных способов, придуманных человеком для того, чтобы преградить путь к матушке-природе... Давайте посмотрим в корень: потребность в совокуплении не менее важна, чем потребность в питье и еде, и надо относиться и к той и другой с одинаковым уважением. Скромность можете быть уверены в этом с самого начала была не чем иным, как стимулом к похоти: смысл ее заключается в том, чтобы отсрочить осуществление желания и тем самым усилить возбуждение, а позже глупцы стали называть добродетелью то, что, на самом деле, побуждает к распутству. Утверждать, что целомудрие есть добродетель, столь же смешно, сколько считать добродетельным того, кто добровольно лишает себя пищи. Да будет вам известно, что почти всегда мы придаем слишком большое значение тому, что называем добродетелью или пороком; пора положить конец предрассудкам. Вот когда заявить кому-нибудь о своем желании совокупиться с ним станет таким же обычным делом, как в чужом доме попросить чего-нибудь поесть или попить, когда это будет повседневностью, тогда предрассудок рухнет и исчезнет, целомудрие перестанет считаться добродетелью, а супружеская измена преступлением. Ну, подумайте сами что дурного я делаю, кому делаю плохо, когда, встретив приятного мне человека, говорю ему: "Прошу тебя предоставить в мое распоряжение часть твоего тела, от которой я получу удовлетворение, а если тебе хочется того же, ты можешь насладиться любой частью моего тела".

Так чем же мое предложение оскорбляет встреченного мною человека? Какой вред принесет ему принятие этого предложения? Если во мне нет ничего такого, что может возбудить его страсть, ну что ж тогда удовольствие легко получить за деньги, и он, быть может, даже поторговавшись, без дальнейшего промедления отдаст мне свое тело; я имею неоспоримое право применить силу и принуждение, если, удовлетворяя его доступными мне средствами будь то мой кошелек или мое тело, он хоть на секунду заупрямится и не захочет отдать мне то, что я по справедливости должна получить от него. Оскорбляет Природу тот, кто отказывается удовлетворить желание своего ближнего. Я, например, ничем не оскорбляю ее, когда покупаю то, что вызывает мой интерес, и плачу справедливую цену за то, что мне предлагается. Еще раз повторяю: целомудрие не есть добродетель, это условность и ничего больше. Целомудрие придумали распутники, вечно ищущие новых утонченных наслаждений, посему это нечто искусственное, но ни в коей мере не естественное чувство. Женщина, предоставляющая свои услуги первому встречному, проституирующая направо и налево, в любой момент и в любом месте, возможно, и совершает поступок, противный обычаям, принятым в ее стране, но никоим образом не делает, и не может сделать, ничего дурного окружающим, которым такое поведение не вредит, а скорее, нравится так же, как нравится Природе. Сама Природа подталкивает нас к самому изощренному разврату и злодейству. Воздержанность будьте уверены в этом! добродетель глупцов и фанатиков, она чревата гибелью и не влечет за собой ничего путного; она вредна как для мужчины, так и для женщины; она разрушает здоровье, так как семя от этого застаивается и пропадает, оставаясь в чреслах, между тем как оно для того и накапливается, чтобы быть выброшенным из организма как любое другое выделение. Словом,

самое ужасное извращение неизмеримо менее опасно для здоровья, чем целомудрие, и самые известные народы земли, так же, как и самые знаменитые их представители были одновременно и самыми развратными. Совокупление беспрепятственное, прилюдное и всеобщее вот желание Природы, и этот обычай широко распространен по всему миру, пример тому животные. Но абсолютно противоречит замыслам нашей праматери обычай, когда мужчина берет себе только одну жену, как это делают в Европе, или когда женщина выходит сразу за нескольких мужчин и становится их собственностью, как это бывает в некоторых землях Африки, или же когда один мужчина берет в жены несколько женщин, как, скажем, в Турции. Все эти освященные местными законами обычаи сковывают желания, подавляют страсти и порывы и кастрируют волю; эти мерзкие условности приводят лишь к бедам и болезням и отравляют душу. И тот, кто берет на себя смелость управлять людьми, не должен надевать оков на живую плоть! Дайте человеку свободу действовать самостоятельно, и пусть он сам ищет то, что лучше всего ему подходит, и вы не замедлите увидеть, как хорошо пойдут дела в государстве. Любой разумный человек скажет вам: "Почему я должен быть привязанным к тому, кого никогда не полюблю, потому лишь, что мне требуется сбрасывать семенную жидкость? Какая польза от того, что та же самая нужда делает моими рабами сотню несчастных, даже имени которых я не знаю?" Почему такая же потребность в женщине должна ввергать ее в пожизненное рабство и унижение? И вы, боги, вззирающие на бедную девушку, пожираемую страстями, жаждущую утолить их, что сделали вы, чтобы избавить ее от этих мук? Вы приковали ее к одному-единственному мужчине. А этот мужчина? Вы уверены, что его желания полностью совпадают с ее вкусами? Не случится ли так, как это порой случается, что он возляжет с ней на супружеское ложе три-четыре раза за всю жизнь или, в лучшем случае, будет получать от нее удовольствия, которые бедняжка не сможет разделить? Какая же это вопиющая несправедливость, неужели нельзя запретить такие бессмысленные браки и предоставить супругов самим себе, чтобы они могли прислушаться к своим желаниям и найти то, что им по вкусу! Какая польза обществу от подобных браков? Вместо того, чтобы крепить узы, они разрушают их и порождают не друзей, а недругов. Как вы думаете, что прочнее: одна большая семья, какой мог бы сделаться каждый народ на земле, или пять-шесть миллионов маленьких семеек, чьи интересы неизбежно вносят смуту, создают вражду и постоянно сталкиваются с общим интересом? К чему тогда пустая болтовня насчет свободы, равенства, братства, что такое единство и дружба между людьми, если все братья, отцы, матери, жены воюют друг с другом? Единство означает универсальность, но кто осмелится возразить, что такая универсальность отрицает связи, что их уже не существует, что осталась одна всеобщая связь? Ну и что она дает? Разве не предпочтительнее вообще не иметь никаких связей, которые только усиливают вражду? Давайте обратимся к истории. Сколько у нас лиг, фракций, бесчисленных партий, которые опустошили Францию своими междоусобицами, когда каждая семья враждует со всеми остальными; и я спрашиваю вас, могло ли случиться такое, если бы вся Франция была одной большой семьей? Разве большая, всеобщая семья могла бы превратиться во враждующих друг с другом зверей, зубами и когтями рвущих друг друга на части одни за тирана, другие за его соперников? Не было бы орлеанцев, которых грызут бургундцы, или Гизов, поднявшихся на Бурбонов, не было бы всех этих ужасов, раздирающих Францию и питающихся гордыней и непомерной амбицией отдельных семейств. Эти страсти исчезнут без следа, когда появится предлагаемое мною равенство; они канут в забвение, как только будут разрушены абсурдные брачные узы. А что останется?

Однородное мирное государство с единым образом мысли, с едиными желаниями и целями: счастливо жить вместе и вместе защищать родину. Конечно, и этот механизм не избежит поломок, пока сохраняются принятые ныне обычаи и привычки. Сегодня богатство и собственность собираются в руках немногих, этих немногих будет еще меньше за счет постоянных перекрестных браков, и через сотню лет государство неизбежно разделится на две большие части, причем одна будет настолько мощной и богатой, что сможет раздавить другую, и страна канет в лету.

Взвесьте эту перспективу, и вы увидите, что никогда не существовало иной причины всех этих несчастий. Какая-то одна сила, крепнущая день ото дня, всегда стремилась к господству над другой и всегда преуспевала в этом. Капелька профилактического средства всегда дешевле долгого лечения, друзья мои, так что браки надо отменить. Сбросив эти мерзкие супружеские цепи, позабыв былые обиды и невзгоды, устранив последствия гнусных преступлений и злоупотреблений, вы забудете о законах, ибо только законы порождают преступления; и преступность исчезнет сама по себе, когда перестанут существовать законы. Не будет больше замкнутых в себе конгрегации внутри государства, не будет тайных обществ, не будет вопиющего имущественного неравенства. Вы спросите: а как быть с детьми, с ростом населения? Ну что же, давайте рассмотрим и этот вопрос.

Начнем с факта, который можно считать неопровержимым: во время полового акта мало кто думает о новом существе, которое может появиться при этом, тот же, кто имеет глупость заботиться о зачатии, самым нелепым образом лишает себя половины удовольствия. Можно без преувеличения назвать тупой задницей того, кто с подобной мыслью в голове смотрит на женщину, не меньшая тупица и тот, кто лишь для этой цели ищет себе женщину. Ошибочно считается, что размножение один из законов Природы, и если мы соглашаемся с этим, значит, виновата в том только наша гордыня. Природа допускает размножение, но не следует принимать ее снисходительность за веление. Природа ни на йоту не заинтересована в размножении, и полное исчезновение человечества что будет наихудшим следствием отказа от размножения ничуть ее не опечалит: ее промысел от этого замедлится не более, чем если бы целые виды кроликов или, скажем, кур исчезли в одночасье с лица земли. Таким образом, занимаясь воспроизводством себе подобных, мы ровно ничем не служим ей, а отказываясь от этого, нисколько ее не оскорбляем. Будьте уверены: эта чудесная способность к размножению, возведенная в добродетель нашим до крайности раздутым самомнением, если взглянуть с точки зрения функционирования Природы, становится совершенно излишней, и даже думать об этом не стоит. Брошенные в объятия друг друга инстинктами похоти, два существа разного пола прилагают все свои усилия для того, чтобы получить как можно больше наслаждений: их задача употребить все свои способности и средства с тем, чтобы сделать свое удовольствие более изысканным, изощренным и полным. А как же насчет возможных последствий этого удовольствия? К черту проклятые последствия, ведь и сама Природа плюет на них!

Что до отца, его нисколько не интересует возможный результат, если вообще таковой может иметь место. При условии, что женщины общие, как это и должно быть и наверняка скоро будет, он вообще не должен думать об этом. Он извергает порцию семени в сосуд, в который облегчаются многие другие, в чрево, в котором зарождается, вернее, может зародиться плод. Так почему именно он обязан заботиться об оплодотворенном яйце? У него не больше обязанностей перед зародышем, чем перед отложениями или экскрементами какого-нибудь насекомого, оставленными под деревом, из которых несколько дней спустя

вылупятся личинки; в обоих случаях речь идет всего лишь о некоей материи, от которой человеку надо поскорее избавиться и которая впоследствии станет тем, чем и должна стать. Зародыш, следовательно, надо считать исключительной собственностью женщины, а поскольку владелица скорее в шутку называет его бесценным, она может располагать им по своему усмотрению. Она может уничтожить его в тайниках своей утробы, если он будет мешать ей. Или, после того, как он созреет и появится на свет, она, если по каким-то своим соображениям сочтет это нужным, также может избавиться от него; в любом случае детоубийство ее священное право. Плод ее принадлежит ей и только ей, никто другой не имеет никаких прав на этот кусочек плоти, в высшей степени бесполезный для Природы, следовательно, мать может или выкормить его или задушить своими руками. И не надо страшиться смерти детей на земле столько женщин, которые плодоносят с великой радостью; если же вы заботитесь о рабочей силе для защиты страны или возделывания земли, всегда есть средство нарожать их столько, что некуда будет девать. Для этой цели надо создать общественные школы, где можно будет выращивать детей после отнятия их от материнской груди; находясь там под опекой государства, ребенок позабудет даже имя своей матери. После того, как он вырастет, надо и ему дать право совокупляться без разбора, свободно и демократично, со своими сверстниками и сверстницами, как это до него делали родители.

Теперь вам ясно, к чему сводится супружеская измена и почему женщина имеет право развлекаться с теми, у кого она вызывает интерес? Так что на земле ничего не изменится и даже станет еще лучше, если отменить все наши законы. Теперь о законах: так ли уж они всеобщие, как об этом толкуют? И одинаково ли относятся к этим презренным оковам разные народы и расы? В этой связи я позволю себе сделать краткий историко-географический обзор и надеюсь, что стоит привести несколько примеров для вашей пользы.

Скажем, в Лапландии, Тартарии, Америке считается за честь уложить свою супругу с проезжим иностранцем.

Иллирийцы держат специальные закрытые заведения для разврата, там они заставляют жен отдаваться всем проходящим, причем акт совершается прилюдно.

Супружеская измена была официально разрешена у греков. Римляне на время передавали друг другу своих благоверных. Катон отдал жену своему другу Гортензию, потому что жена последнего была бесплодна.

На Таити Кук обнаружил племя, где женщины отдавались без разбора всем желающим. Но если последствия такого ритуала приводили к беременности, женщина давила ребенка в момент его рождения прекрасный пример того, что, в конце концов, есть достаточно мудрые народы, которые ставят свои удовольствия выше, чем никчемные законы, побуждающие нас плодиться и размножаться! Отличаясь только в немногих деталях, подобное общество процветает в Константинополе.

Чернокожие обитатели страны, которую мы называем Берег Пряностей и Риогобара, заставляют своих жен совокупляться с собственными детьми.

Сингха, королева Анголы, издала закон, предписывающий женщинам "половое бродяжничество", гласивший, что их влагища общедоступны для каждого желающего точно так же, как воздух, которым мы дышим. Один из пунктов этого эдикта обязывал женщин принимать все необходимые меры для предотвращения беременности; непослушание наказывалось самым строгим образом виновницу истирали в порошок Суровый, быть может, закон, но исключительно полезный, способствующий сохранению

целостности общества и, при необходимости, ограничивающий народонаселение.

Однако есть и более мягкие способы держать численность в разумных пределах, например, поощрение и вознаграждение лесбиянства, содомии и детоубийства, а в Спарте, кроме того, почиталось воровство. Это вроде весов, которые надо поддерживать в равновесии без того, чтобы убивать плод еще в утробе, как это распространено в Анголе и на Формозе.

Например, во Франции, где население слишком велико, практика "полового бродяжничества", которую я ценю очень высоко, могла бы довести цифру детопроизводства до нормального уровня, чтобы исключить ненужные излишки и, как я уже говорила, поощрить незаконную сегодня связь между людьми одного пола. В таких идеальных условиях строгого контроля над рождаемостью правительство могло бы легко контролировать число своих защитников, и в стране не было бы городов, кишящих тысячами нищих, которых приходится подкармливать в голодные годы. Польза от такого гуманного средства будет еще больше, если учесть, что не придется убивать детей в чреве матери или, хуже того, после рождения.

В Китае есть общины наподобие таитянских или византийских. Я имею в виду ту, что называется "Обществом счастливых мужей". Мужчины выбирают себе жен только при условии, что те будут отдаваться за деньги другим мужчинам; супруги живут в необыкновенной роскоши, а нежелательные плоды такой торговли топят в реке. В Японии есть женщины, даже замужние, которые с согласия своих мужей приходят на площадь перед храмом и ложатся на видных местах; они обнажают себе груди, как это делают итальянские шлюхи, и находятся в постоянной готовности удовлетворить желание любого прохожего.

В порту Камбей в Индии вы увидите красивую пагоду, место паломничества, за ее стенами каждой женщине воздаются божественные почести; там они продают себя, и мужья не имеют к ним никаких претензий. Некоторым удастся, в конце концов, кое-что скопить, и они обычно покупают юных рабынь, которых готовят к такому же занятию, потом отдают их в пагоду и сколачивают таким, способом целые состояния. В Пегу муж крайне презрительно относится к своей будущей супруге, пока она девственница; он призывает на помощь друга, который устраняет препятствие; очень часто ему помогает опытный, но совершенно посторонний мужчина. Однако подобные традиции не годятся для инициации юношей, так как среди жителей Пегу совокупление с мальчиками ценится превыше всего.

Индианки Дарий продаются каждому встречному и поперечному. Если они выходят замуж, заботу о ребенке, чей бы он ни был, берет на себя муж; если девушка не обручена, переменность ее бесчестит, поэтому она делает сама себе аборт или соблюдает все возможные меры, чтобы предохраниться.

В далекой Кумане девушка-новобрачная лишается невинности в объятиях священника; муж не имеет права прикоснуться к ней, пока не произойдет церемония дефлорации. Таким образом, так называемое сокровище девственность обязано своей ценностью только национальным традициям, как и множество других вещей, хотя мы никак не желаем признать это.

А известно ли вам, как давно феодальные лорды некоторых стран Европы, прежде всего Шотландии, перестали пользоваться таким правом? Предрассудки, суеверия, причуды... вот что такое скромность, добродетель, целомудрие.

Что бы там не говорили, ни один народ не уважает девственниц. Чем больше любовных приключений было у женщин в Северной Америке, тем больше вокруг них поклонников.

Там с презрением отворачиваются от девиственницы, ибо невинность является большим недостатком для девушки, свидетельствуя о ее некрасивости.

На Балеарских островах муж самым последним наслаждается своей невестой: до него в торжественной церемонии участвуют знакомые, домочадцы и все родственники; очень странным и подозрительным покажется поведение мужа, который будет возражать против такой очередности. Такой же обычай соблюдают в Исландии; его придерживаются "наземеяне" египетские племена, у которых обнаженная супруга после свадебной церемонии выходит к гостям, по очереди ложится с каждым и от каждого получает за это подарок.

Известно, что у массагетов все женщины были общими: любую понравившуюся ему женщину мужчина тащил в свою повозку, а чтобы никто не мешал, вешал на оглоблю свое оружие. Совсем не для того, чтобы узаконить брак, а напротив чтобы установить вседоступность женщин, скандинавы, сильные и воинственные в свое время, три или четыре раза за свою историю повергали в ужас всю Европу и наводняли ее своими, выходцами.

- Таким образом, брак вреден, и на земном шаре много народов, которые презирают этот институт. Следовательно, в глазах Природы он противоречит счастью отдельных личностей и вообще всему, что обеспечивает земное счастье человека. И если прелюбодеяние разбивает брак вдребезги, если оно попирает людские законы и тем самым отвечает законам Природы, значит, его проще всего считать добродетелью, а не преступлением.

И вы, нежные создания, божественные останки древних культур, сотворенные ради удовольствий, выбросьте из головы, что вы созданы для наслаждения одного-единственного мужчины; наберитесь мужества и сотрите в пыль эти абсурдные кандалы, приковывающие вас к мужу и мешающие счастью, которое даст вам боготворяющий вас возлюбленный! И знайте, что, отказывая его домогательствам, вы оскорбляете Природу, Сделав вас более чувствительными, более пылкими, нежели противоположный пол, Природа в ваше сердце бросила семя желаний и обещала с благосклонностью взирать на все ваши поступки без исключения. Разве она сделала вас пленницей одного мужчины, когда дала вам силу, достаточную, чтобы опустошить семенники четверых или пятерых подряд? Так презрите же гнусные каноны, унижающие вас, ибо все это выдумки ваших врагов и завистников. Никто и никогда не спрашивал вашего мнения, так по какому праву эти грязные свиньи, ваши мужья, подрезают крылья вашим страстям? Помните, что когда-нибудь вы перестанете нравиться и на закате своих лет прольете немало горьких слез, если юность ваша уйдет, не оставив воспоминаний о сладостных минутах величайшего блаженства. А что вы получите взамен за вашу скромность, стыдливость, самоотречение, что будет вашей наградой, когда заодно со своей красотой вы потеряете всякое уважение? Ах, останется уважение собственного мужа? Полноте! Что за слабое утешение! Какая мизерная компенсация за такие великие жертвы! Более того, кто вам сказал, что они оправданы? Кто или что вам докажет, что ваша верность была нужна и полезна и что ваш муж следовал вашему примеру? Вот тогда-то вы поймете, что все было напрасно и что вы питались собственной гордыней. Ведь вы - женщины, созданные для любви, и даже самые скудные удовольствия, какие может дать вам любовник, несравнимы с тем, что вы получаете от своего самоотречения; разбитые иллюзии будут вашим утешением и жалким удовольствием в тайном одиночестве; никто не узнает о них, никто их не оценит, ничья благодарность не согреет вас, и каждый раз, когда вам суждено будет стать жертвой, вы будете погибать жертвой предрассудка, но не любви. Любовь! Служите этому богу, юные красотки! Пока вы молоды, служите ему без страха и упрека,

этому щедрому, этому очаровательному богу любви, который создал вас для того, чтобы вы его боготворили, и на его алтарях, в объятиях его верноподданных вы будете вознаграждены за мелкие неприятности, омрачившие начало вашей карьеры. Стоит только сделать первый шаг - остальное все просто, стоит позволить себе первый поступок - и с глаз ваших спадет пелена, и вы увидите, что не скромность озаряет ярким румянцем ваши свежие щечки, а негодование от того, что в какой-то момент вы оказались в паутине презренных правил приличия, в которую вас заманили жестокие родители или ревнивые мужья.

При нынешнем плачевном состоянии общества - и это будет второй частью моей лекции - в эпоху удручающего дискомфорта и насилия над личностью ничего не остается, кроме как дать женщинам совет: научитесь справляться со всем этим хаосом, научитесь жить в нем и тогда, внимательно присмотревшись, решите, стоит ли тот плод вашего чрева, который муж согласился принять в качестве своего чада, таких неудобств.

Но прежде всего решим, что такое женская честь, и не бессмысленный ли миф стоит за этим понятием, придуманным мужьями ради своего спокойствия.

А что такое мужская честь? Не кажется ли вам, что понятие мужской чести это всего-навсего еще одно сильное средство, придуманное и употребляемое мужьями для того, чтобы больше получить от своих жен, чтобы еще крепче привязать их к себе? Ох уж эта честь! Получается, что когда мужья предаются безграничному разгулу и ведут себя так, как им заблагорассудится, честь их при этом не страдает. А жена, которой пренебрегает муж-развратник, страстная пылкая жена, чьи желания он удовлетворяет на одну пятую, неужели она бесчестит его, когда отдается другому? И находятся люди - кто бы мог в это поверить! которые отвечают на это утвердительно. Это не иначе, как тот же самый род безумия, встречающийся у разных народов, который состоит в том, что муж в ужасе прячется, когда рожает его жена.

Когда же мы поймем, что наша честь - это наша честь, и она не зависит от того, как поступают или думают другие, что невероятная глупость - думать, будто совершенные другими ошибки могут иметь к нам какое-то отношение.

Абсурдно полагать, что поведение жены может навлечь позор на мужа или более того - принести ему ущерб. Здесь мы имеем одно из двух: либо мужчина любит свою жену, либо не любит. В первом случае, когда жена предпочитает другого, это она не любит его, и тогда, скажите на милость, разве не верх безумия продолжать любить человека, который к вам уже испытывает холодность? Обманутый муж должен незамедлительно отвернуться от жены-изменницы, и тогда неверность будет считаться обыденным, хотя и далеким от благочестия, делом. Перейдем ко второму случаю: если муж разлюбил свою жену и ускорил тем самым ее измену, то кого ему винить? Он пожинает то, что посеял, что должен был получить из-за своего поведения; и будет величайшей несправедливостью, если он примется хныкать, скулить, допрашивать жену или осуждать ее; разве под рукой у него нет десятка тысяч других объектов, на которых он может выместить злобу и на том утешиться? Так пусть бедняга уйдет от нее и найдет себе другие развлечения. Разве не он сам сделал ее несчастной? Разве не он заставлял ее ограничивать и сдерживать себя, между тем как сам, прыгая как кузнечик, творил своя грязные делишки среди бела дня и ни разу не услышал ни одного осуждающего слова в свой адрес? Пусть же тогда он оставит ее в покое, чтобы она могла вкушать удовольствия, каких он не в состоянии дать ей, а он, успокоенный, может в один прекрасный день найти женщину, которая будет в восторге от его поведения. Ведь благодарностью можно добиться того, что не удалось сделать сердечностью; возродится

доверие, и оба, на закате своей жизни, заключив друг друга в горячие объятия, возможно, получат то, в чем им прежде отказывала любовь.

И вы, несправедливые мужья, изводящие своих жен за их неверность, имейте же мужество критическим взглядом посмотреть на самих себя, поймите, наконец, что первоначальную ошибку совершили именно вы, и передайте остальным, что только предрассудками можно объяснить неприязнь к женской измене. Мы пришли к тому, что, желая стать либертиной, женщина должна преодолеть бесчисленные препятствия и совершить немало подвигов, и будет естественно и логично, если забитый нежный пол порой преступает такие далекие горизонты распутства, принужденный к тому объективными причинами. Может быть, моя гипотеза ошибочна? Возможно, виновата в первую очередь жена? Ну что ж, даже если так, какой будет прок от того, что муж сделает из этого трагедию? Только полный идиот может страдать по-настоящему из-за поведения супруги. Разве маленькие безобидные шалости жены приносят ему физическую боль? Конечно же, нет. Его страдания это всего лишь умственные упражнения. А в чем их причина? Легкомысленные поступки жены, которые доставили кому-то удовольствие за пятьсот лье от Парижа. Почему же тогда он страдает? Да потому что таким воспитали его местные предрассудки. Что же ему делать? Освободиться от них, наложить на них большую кучу и немедленно. Глупо мучить себя из-за каких-то мелких неприятностей, которые испытала его мужская честь, когда, будучи мужчиной, он может броситься в океан плотских утех? И самое умное для него - нырнуть в тот океан, и все пакости его супруги вскоре будут забыты.

Получается, что причина его расстройства - не поступок супруги, а его материальные следствия, то есть нечто, вылупившееся из яйца, которое он не оплодотворил, но тем не менее должен признать своим потомством; неужели стоит расстраиваться из-за этого? Какое ребячество! Ведь у оскорбленного мужа есть два выхода: продолжать сожительствовать с женой, даже если она и неверна ему, чтобы иметь наследников, или оставить ее. Либо он живет с ней по-прежнему, как это делают распутные мужья, зная, что нет никакой уверенности в том, что ребенок, которого она носит в себе, его собственный. Либо он заставит жену избавиться от плода, что не составит ей никакого труда. В первом случае ему останется, как впрочем, и его сопернику, продолжать трудиться над увеличением рода человеческого, и кто знает, возможно, следующий плод произойдет от его семени. Шансы здесь примерно равны, и надо быть круглым идиотом, чтобы отказаться от такой возможности. Итак, одно из двух; поступить таким образом и сразу прекратить всякие сношения с женой, заподозрив ее в измене, что есть самый надежный способ сохранить свое лицо; или, согласившись возделывать тот же сад, где трудится ее любовник, он не должен осуждать его - соперник достоин осуждения не более, чем он сам, ибо бросает в ту же почву семена, которые могут принести плоды.

Некоторые мужья могут привести свои контраргументы, и я отвечу на них так: здесь опять одно из двух - либо, сударь, у вас не будет детей, либо они будут и с равной долей вероятности они могут быть как вашими, так и вашего соперника. Что касается второй возможности, мы снова имеем выбор: скажем, ваша супруга захочет скрыть свою связь за беременностью, и в этом случае - будьте уверены! - она из кожи вылезет, чтобы улечься в вашу постель, потому что не успокоится до тех пор, пока не убедится в том, что вы ее не подозреваете; тогда ее свобода гарантирована, и с этого момента она может вволю наслаждаться со своим любовником. Следовательно, ваше беспокойство не имеет под собой

никаких оснований: ребенок ваш, можно быть уверенным на сей счет, ведь жена бесконечно заинтересована в том, чтобы он принадлежал вам. Сопоставьте все аргументы и получите то, чего вам так страстно хочется знать: ребенок ваш, вне всякого сомнения, он ваш, исходя из того самого соображения, по которому из двух бегунов первым доходит до финиша тот, кто получает за это вознаграждение, побеждая соперника, который ничего не выигрывает в этом забеге. Однако давайте на минуту допустим, что ребенок не ваш. Ну и что из того? Что здесь такого? Разве вы не желали наследника? И вот он у вас есть. Не брошенное в благодатную почву семя, а воспитание формирует сыновья чувства. Будьте уверены, что ребенок этот, у которого нет никаких сомнений относительно вашего отцовства, который привык постоянно видеть вас, произносить ваше имя, любить вас как отца, будет уважать вас и, быть может, еще больше, чем если бы вы сами приняли участие в его создании. Так стоит ли терзаться? Разумеется, вас мучает ваше болезненное воображение, однако нет ничего легче, чем избавиться от этого недуга. Хорошенько встряхните свое воображение чем-нибудь таким, что еще сильнее подействует на вас, и вы быстро направите его в нужное вам русло. Детали и нюансы лечения не столь важны главное, что моя философия предлагает вам все, что необходимо. Ничто так безусловно не принадлежит нам, как наше потомство ну, и слава Богу, вы получили сына, вот он, ваш законный наследник. Ничто не является вашим в такой мере, как подаренная вещь. Осуществляйте свои права и помните, что несколько фунтов живой организованной материи - будь она вашей или чьей-нибудь еще - очень мало значит в глазах Природы, которая непрестанно, каждую секунду, работает над ее дезорганизацией и разрушением, как бы это нас ни удручало.

А теперь для вас, прелестные жены, милые мои подруги, приведу я такой пример. Я успокоила ваших мужей и преподала урок этим господам, которых, независимо от вашего поведения, не стоит лишать драгоценных минут сна; теперь я научу вас искусству обманывать их, но вначале заставлю вас содрогнуться от ужасной картины наказаний, предусмотренных за прелюбодеяние. Я покажу вам эту картину для того, чтобы вы увидели, какие неслыханные удовольствия сулит это мнимое преступление, если вам посчастливилось родиться в милосердном краю, где общественное мнение, оставляя ваше предосудительное поведение на суд вашей собственной совести, не выносит вам приговора, а только пытается пробудить в вашей душе легкое чувство стыда за позор, который вы на себя навлекли. А ведь этот позор - давайте признаем это - многим из нас придает дополнительный шарм.

Закон, обнародованный императором Константином, предусматривал за супружескую неверность такое же наказание как за отцеубийство, а именно: преступницу сжигали заживо или же зашивали в мешок и бросали в море; несчастные, обвиненные в этом преступлении, даже не имели права оправдаться.

Губернатор одной провинции отправил в ссылку женщину, уличенную в прелюбодеянии, консул же посчитал наказание слишком мягким и выгнал ее из Италии, кроме того, он объявил, что император разрешает любому желающему убить ее. Древние датчане карали прелюбодеяние смертью, тогда как за убийство полагался простой штраф, это показывает, какой из двух поступков считался серьезнее.

Монголы разрубали изменницу на две части. В Тонкинском королевстве ее затапывал слон. А в Сиаме обычаи были более терпимы, хотя и здесь участвовал слон. Виновницу помещали в специальное хитроумное приспособление, и слон мог наслаждаться несчастной, думая, что это самка-слониха. За этим, несомненно, кроется извращение. В аналогичных

случаях древние бретонцы, также скорее всего из извращенных побуждений, засекали прелюбодеек до смерти.

В Африке есть маленькое королевство Луанго, где существует обычай сбрасывать изменницу и ее любовника с крутой скалы.

Галлы обычно мазали ее грязью, потом волокли ее тело по земле через весь город.

В некоторых странах жену судил сам супруг: казнил ее на месте, если считал, что она виновна; это можно назвать отголоском той давней традиции, по которой мужья могли избавляться от наскучивших им жен.

Такой же обычай имелся у готов, который давал мужу право казнить жену своими руками, если обнаруживалась ее измена.

Дикари племени Майами отрубали прелюбодейкам нос, абиссинцы вытаскивали их на улицу и разрывали на куски.

Аборигены Канады делали им надрез на голове, потом сдирали скальп. В Восточной Римской империи грешниц продавали на рыночной площади всем желающим. В Диарбекире преступницу казнили всей семьей, и каждый должен был нанести ей хотя бы один удар кинжалом.

В некоторых провинциях Греции, где, в отличие от Спарты, адюльтер не разрешался, безнаказанно убить изменницу мог любой человек.

Дикари племени Гуакс-Толиам, обнаруженного французскими исследователями в Америке, бросали изменницу к ногам вождя, разрубали на куски, и все присутствующие съедали их.

Готтентоты, допускавшие отцеубийство, убийство матери и детей, сурово относились к супружеской неверности. Они карали изменницу смертью, причем доказательством вины служило даже свидетельство ребенка.

Ах, милые сластолюбивые распутницы! Если бы только, на что я надеюсь, эти примеры еще больше вдохновляли вас! Ведь уверенность в порочности поступка служит еще одним удовольствием для таких просвещенных умов, как наши, поэтому, любезные подруги, внимайте моим словам и извлеките из них урок. Итак, я изложу вам теорию прелюбодеяния.

Будьте вдвойне ласковы и внимательны к мужу, когда собираетесь обмануть его. Если он - распутник, предугадывайте его желания, уступайте всем его прихотям, восхищайтесь всеми его причудами, как бы невероятны они вам ни казались, по собственной воле предоставляйте ему любую часть своего тела, которая вызывает у него вожделение. Потакая его вкусам и наклонностям, окружайте его красивыми девочками или мальчиками и выполняйте все его требования. Преисполненный признательности, он и не подумает ни в чем упрекнуть вас, более того - разве может он обвинить вас в том, что в такой же мере относится и к нему?

Вам не обойтись без наперсницы: заниматься этим делом в одиночку - значит, увеличивать риск разоблачения, поэтому найдите надежную и верную вам женщину, чьи страсти совпадают с вашими. Прежде всего - хорошо платите ей.

Для удовлетворения ваших желаний доверяйтесь больше вашей помощнице, чем любовнику. Первая будет верно служить вам и хранить тайну, второй раструбит на весь свет о своей победе и покроет вас позором.

На лакея, слугу, секретаря никто не обратит внимания, но едва лишь вы заведете себе друга, вы пропали.

Не поддавайтесь соблазну размножения. Нет меньшего удовольствия, чем производить

на свет детей. Беременность вредна для здоровья, портит фигуру, ослабляет ваши чары, не говоря уже о том, что над вами постоянно будет витать тень неуверенности по поводу событий, которые ухудшают настроение супруга. Есть тысяча способов избежать зачатия и пятьсот - чтобы предупредить рождение ребенка; самый надежный и лучший из всех - сношение в задний проход, при этом надо завести служанку, которая в эти моменты будет ласкать вам клитор, и такие наслаждения скоро покажутся вам несравненно более приятными, нежели все прочие: кроме того, это доставит больше удовольствия и вашим партнерам, муж ничего не заметит, и все будут довольны.

Может быть, сам муж предложит вам испробовать содомию. В таком случае не следует сразу соглашаться - сначала помучьте его и не уступайте его домогательствам. Если боязнь забеременеть заставляет вас самой предложить этот способ, сделайте вид, будто вы смертельно боитесь этого: мол, одна ваша знакомая дама рассказывала, как она занимается такими делами со своим мужем. Испытав такие наслаждения, смело занимайтесь этим же со своим любовником, таким образом, вы рассеете возможные подозрения и избавитесь от страха беременности.

Отправьте шпионов по следу своего мужа-тирана, следите за каждым его шагом, чтобы он не застал вас, когда вы будете испытывать истинное блаженство на стороне.

Но если связь ваша обнаружится, если вас застанут на месте преступления и при этом невозможно будет оправдаться, примите вид кающейся грешницы, окружите мужа еще большим вниманием и заботой, предупреждайте все его желания. Если прежде, чем пуститься в разгул, вы уже завоевали его своими ласками, он скоро простит вас и будет любить еще сильнее; если он упорствует, намекните ему, что вам известны его тайные дела, пригрозите вывести его на чистую воду, но для того, чтобы постоянно держать его в руках и властвовать над ним, вы должны, с самых первых дней супружеской жизни изучив его вкусы, потакать и угождать им. В конце концов, он станет ручным и в случае вашего провала непременно к вам вернется. Когда он вас простит, будьте еще ласковее и внимательнее, но не слишком успокаивайтесь - удвойте предосторожности, искуснее скрывайте свою вторую жизнь: умная жена всегда должна быть начеку, дабы не раздражать мужа.

Наслаждайтесь сверх всякой меры, впрочем, никакой меры здесь не существует - только одна непрерывная череда сладостных открытий. Так стремитесь к ним и ни от чего не отказывайтесь!

Держитесь подальше от проституток и продажных женщин, насколько это возможно. Общение с ними не доставит вам большого удовольствия, зато может причинить серьезный вред. Они действуют не столь скрытно, как любовники, кроме того, известно, что можно скрыть свою связь с мужчиной, но с женщиной почти невозможно.

Если вам случится оказаться в компании из двух пар, постарайтесь завоевать дружбу второй женщины и разузнать все ее вкусы, интересы и привычки; никогда не присоединяйтесь к компании, если у другой женщины нет тех обязательств, какие есть у вас, так как в противном случае ей не нужно скрываться и прятаться, и ее неосторожность может вас погубить.

Всегда ищите способ полностью контролировать окружающих и их интимную жизнь. Если вас предал мужчина, не задумывайтесь и ответьте ему тем же. Судьба и жизнь другого человека - ничто по сравнению с вашим спокойствием, и я убеждена, что во сто крат лучше разделаться с опасным свидетелем, чем быть от него в зависимости и опасаться, что он вас скомпрометирует.

Самое главное - ваша репутация, она нужна для того, чтобы расширить ваши возможности наслаждаться. Женщина, которую считают добропорядочной, получит намного больше удовольствий, чем дама с запятнанной репутацией.

Однако при любых обстоятельствах берегите покой вашего супруга. Советую это совсем не потому, что на свете есть кто-то, кого стоит побережь, даже если это противоречит вашим собственным интересам, а потому, что в данном случае ваш собственный интерес заключается в том, чтобы муж жил как можно дольше. Познать своего мужа - это долгая и трудная наука для жены, но если этого добиться, ей не придется начинать заново с другим мужчиной, к тому же нет никакой уверенности в том, что второй окажется лучше первого. В муже она должна найти не возлюбленного, но доброго, чуткого и предсказуемого человека, и залогом успеха здесь служит скорее привычка, нежели новые ощущения.

Если способы наслаждения, о которых я говорила только что, не возбуждают вас, тогда совокупляйтесь во влагалище - я не возражаю, но сосуд, не успев наполниться, пустеет, так что не допускайте зачатия; это особенно важно, если вы не спите с мужем, хотя важно и в том случае, когда вы с ним спите, ибо, как я говорила, неуверенность дает пищу для сомнений, а сомнения почти всегда ведут к разрыву и краху.

Прежде всего уничтожьте в себе всякое уважение к гражданским и религиозным церемониям, приковывающим вас к мужчине, которого вы не любите или перестали любить или которого вам недостаточно. Свадебная месса, благословение, брачный контракт, вся эта белиберда - разве это не кандалы, на всю жизнь сковывающие вас? Данное вами слово или обет - это лишь пустой звук, который дает мужчине право, пожизненное право, на женщину и который ни в коем случае не должен связывать ни одну, ни другую сторону. Тебе, Жюльетта, суждено выйти отсюда в мир, - при этом наставница обратила свой взор на меня, - и ты должна презирать эту бессмысленную чепуху и смеяться над ней от всей души - большего она не заслуживает. Это смешные церемонии, но тем не менее их приходится соблюдать: балаганный фигляр скачет вокруг стола, размахивает руками, что-то бормочет, заглядывая в толстенную книгу, а второй плут заставляет вас вписать свое имя в другую книгу - подумай сама, неужели это может впечатлить настоящую женщину? Пользуйся правами, данными тебе Природой, послушай, что она тебе шепчет: наплюй на эти презренные обычаи и распутничай вволю. Твое тело - это храм, в котором Природа требует к себе поклонения. Природа глумится над алтарем, за которым глупый священник бормочет свои дурацкие ритуальные заклинания. Клятвы, которых ждет от тебя Природа, - совсем не те, что ты повторяешь вслед за этим жалким шутком, и не те, что ты запечатлела на бумаге, услужливо подставленной его помощником, истекающим от похоти негодяем. Природа хочет, чтобы ты поклялась, что будешь наслаждаться мужчинами, пока хватит сил. Природа предлагает тебе истинного Бога - не тот круглый кусочек засушенного теста, который дешевый арлекин заталкивает в твое горло; в качестве божества она предлагает тебе удовольствия и сладчайшие наслаждения, но, пренебрегая своими обязанностями перед этим божеством и перед своими желаниями, ты вызываешь гнев матери-природы, по-настоящему любящей своих чад.

Выбирая любовника, всегда предпочитай женатого человека, так вы оба будете заинтересованы в сохранении тайны, и будет меньше опасность разоблачения; желательно просто-напросто нанять его за деньги. Я уже говорила: наемные партнеры - самые лучшие и их можно менять как белье; разнообразие и множественность - вот два самых мощных двигателя вожделения. Пусть у вас будет как можно больше мужчин: ничто так не восторгает

нас, ничто так не распаляет, как избыток; никто в отдельности из этой толпы не в состоянии дать вам полное удовлетворение, и вы вообще ничего не поняли в жизни, если извели только один мужской член. Обслужи вас целая армия, для вашего мужа ничего от этого не изменится, и согласитесь, что тысячный любовник опозорит его не более, чем самый первый, в сущности позора при этом будет даже меньше, так как каждый новый позор в какой-то мере стирает предыдущий. Если муж ваш не дурак, он более склонен простить распутство, нежели любовь на стороне: последняя наносит ему личное оскорбление, между тем как первое означает просто небольшое, отклонение вашего физического состояния. Причиной может быть и его немощь, но в принципе разницы здесь нет; что же касается вас и ваших принципов, либо вы не обладаете философским складом мышления, либо должны понять, что, сделав первый шаг, вы не совершите большего греха, если сделаете еще десять тысяч подобных. Таким образом, остается суждение окружающих. Но судить вас может только ваш собственный разум. Все зависит от искусства притворяться и обманывать: если вы его усвоите или хотя бы поставите перед собой такую цель, вы будете делать все, что захотите, и с общественным мнением, и со своим мужем. Никогда не забывайте, что не сама ошибка губит женщину, но вызванные ею толки и пересуды, что десять тысяч преступлений, оставшихся безвестными, менее опасны, чем маленький проступок, который бросается в глаза окружающим. Будьте скромны в одежде: роскошные пышные украшения больше выставляют женщину напоказ, чем двадцать любовников; элегантная, но скромная прическа, небогатое платье - вот что нужно; в конце концов, не в этом счастье - счастье в частых разнообразных плотских утехах. Имея кроткий скромный вид, вы никогда не попадете под подозрение: как только кто-то осмелится осудить ваш образ жизни, тысячи сочувствующих, с копьями наперевес, тут же бросятся на вашу защиту. У публики нет времени разбираться досконально, она судит только по одежде, и нет ничего проще, чем надеть на себя то, что ей по нраву. Удовлетворите ее желание, и, когда потребуется, публика будет на вашей стороне.

Если у вас будут сыновья, когда они вырастут, немедленно удалите их от себя - они слишком часто выступают в роли предателей своих матерей. Если они начнут искушать вас, подавите в себе это желание, ибо разница в возрасте наверняка приведет к отвращению, и его объектом будете вы. Нет ничего волнующего в этом виде кровосмешения, оно отрицательно влияет на другие, более глубокие наслаждения. Зато вы сможете заниматься этим со своей дочерью, если она будет вас возбуждать, что менее рискованно. Привлеките ее к своему разгулу, и она меньше будет болтать об этом.

А теперь, в заключение, хочу дать всем вам такой совет: самоограничение, которое исповедуют иные женщины, является ударом по обществу, проклятьем обществу, и должно существовать примерное наказание тем тупоголовым созданиям, которые, неважно по какой причине, воображают, будто, храня отвратительное целомудрие, они оправдывают свое существование в этом мире и готовят себя к блаженству в следующем.

О, вы, юные аппетитные образчики женского рода, - восторженно продолжала Дельбена, - к вам я обращалась до сих пор и вам повторяю еще раз: пошлите к черту эту дремучую добродетель, которую глупцы полагают вашим украшением, выбросьте из головы неестественную варварскую привычку убивать себя на алтарях этой гротескной добропорядочности, чье жалкое и скудное вознаграждение никогда не компенсирует жертв, принесенных во имя ее! И скажите на милость, по какому такому праву мужчины требуют от вас полнейшего самоотрицания, когда себе ни в чем не отказывают? Разве вы не видите, что это они сами придумали такие правила игры и что двигала ими их гордыня, их наглость

тщеславие или их собственная невожатержанность?

Ах, подруги мои, послушайте меня: занимайтесь плотскими утeхами для них вы и рождены! Природа создала вас для совокупления; пусть вопят сумасшедшие, пусть судьи городят чепуху и распускают сопли, пусть хнычут и брюзжат лицемеры - у них есть свои резоны осуждать эти сладкие наслаждения, эти неопиcуемые безумства, которые делают счастливым каждый ваш день и час. Ничего не добившись от вас, завидуя всем, кому вы доставляете наслаждение, они бросают в вас камни и порицают вас, потому что им уже нечего ждать от жизни, и они не в состоянии больше ничего попросить у вас, спросите совета у детей любви и радости, задайте вопрос всему человечеству, и миллиарды голосов хором ответят вам: стремитесь к плотским уладам, ибо Природа создала вас для совокупления, и отказ от него - преступление против Природы. Не страшитесь пустого слова распутница, женщина, стыдящаяся этого славного звания, - недалекая и дешевая потаскушка. Распутница - это прелестное создание, юное и страстное, кого меньше заботит собственная репутация, чем благо других. Распутница - любимое дитя Природы, а целомудренная девушка - экскремент Природы; распутница служит на алтарях, весталка-девственница всю свою жизнь сидит на колу своих неутоленных желаний. Нет более сильного оскорбления, какое девушка может бросить в лицо Природе, чем возмутительное воздержание и вред, который тем самым она наносит самой себе. Ее девственность происходит, от самой большой, самой противной здравому смыслу, самой низкой из всех глупостей. Сопоставляйтесь, подруги, сопоставляйтесь, повторяю я вам, плюйте на советы тех, кто хочет заковать вас в цепи добротпорядочности, которая не приводит и никогда не приведет ни к чему хорошему. Навсегда забудьте скромность и воздержанность, спешите насладиться, спешите, ибо существует определенный возраст, в котором только и сладок оргазм - не упустите его. Время быстротечно. Если вы дадите розам увянуть, вы пожнете бурю угрызений и раскаянии; может наступить день, когда, обуянные запоздалым желанием, чтобы кто-нибудь сорвал ваши увядшие лепестки, вы уже не найдете возлюбленного, который захочет вас, и тогда тогда вы ни за что не простите себе, что упустили те безвозвратные моменты, когда любовь могла быть к вам благосклонной. Возможно, вы возразите, что распутная женщина бесчестит себя, и груз бесчестия невероятно тяжел. Но можно ли всерьез принять столь ничтожное возражение? Давайте будем откровенны: только предрассудок порождает понятие о бесчестии, как много поступков считаются дурными только в глазах людей, воспитанных предрассудком! Такие пороки, как, например, воровство, содомия, трусость - разве они не постыдны? Но это не мешает считать, что для Природы они совершенно законны, а то, что законно, не может быть постыдным, ведь не может быть незаконным или неестественным все, что внушает нам Природа. Ну ладно, не будем останавливаться на этих порока и признаем, что в каждого человека изначально заложено стремление к здоровью. Если это так, тогда средства, которые он употребляет для этого, столь же естественны, сколько законны! Точно так же, разве все люди не ищут высших наслаждений плотских утeхах? Если содомия надежное средство достичь цели, значит, содомия не может быть постыдным актом. Наконец каждый из нас носит в себе чувство самосохранения, каждый, можно сказать, заражен этим инстинктом. Для самосохранения трусость - самое верное средство, выходит, это свойство совсем не постыдное, и каковы бы ни были безосновательны предрассудки относительно любого из этих пороков, совершенно очевидно, что ни один из них нельзя назвать дурным, поскольку все они естественны. Так же обстоит дело и с развратом, которым занимаются многие,

причем самые мудрые женщины. Ничто так не угодно Природе, как либертинаж, следовательно, он не может быть дурным делом.

Давайте на минуту допустим, что в этом есть какое-то бесчестье. Но какая умная женщина из-за этого откажется от удовольствий? Ей в высшей степени плевать, что кто-то считает ее бесстыдницей. Если она достаточно умна, чтобы не считать себя таковой, значит, в ее случае никакого бесстыдства нет и в помине; она будет хохотать над этой несправедливостью и тупостью, она охотно уступит домогательствам Природы и сделает это лучше, нежели любая другая, менее развратная особа. Но если женщина дрожит за свое доброе имя, о счастье она может забыть, счастливой может быть та, кто уже распростился со своей репутацией и кто бесстрашно отдается своим желаниям, потому что терять им больше нечего. Предположим, что поступки и привычки распутной женщины, продиктованные ее наклонностями, действительно дурны с точки зрения правил и установлений, принятых в данной стране, но эти поступки, какими бы они ни были, настолько необходимы для ее счастья, что она не может отказаться от них без ущерба для себя, она будет просто сумасшедшей, если станет подавлять свои желания из боязни покрыть себя позором. И бремя надуманного бесчестья не будет мешать ей предаваться своему любимому пороку; в первом случае ее страдание будет, так сказать, интеллектуального порядка, которое трогает далеко не всех, между тем как во втором она лишает себя удовольствия, доступного всем прочим. Таким образом, как из двух неизбежных зол выбирают меньшее, так и нашей даме придется смириться с позором и продолжать жить как прежде, не обращая внимания на недоброжелательные взгляды, потому что в первом случае она ничего не теряет, навлекая на себя позор, а во втором - теряет бесконечно много. Следовательно, она должна привыкнуть к оскорблениям, научиться стойко переносить их; она должна победить этого злобного немощного врага и с самого раннего детства отучиться краснеть по пустякам, должна наплевать на скромность, преодолеть стыд, который дотла разрушит мир ее удовольствий и лишит ее счастья.

Достигнув высшего уровня развития, она сделает для себя удивительное и вместе с тем вполне естественное открытие: уколы и шипы этого позора, которых она так страшилась, превратятся в острую приправу к наслаждениям, тогда, не думая больше об оскорблениях, она с удвоенным рвением бросится на поиски столь сладостной боли и скоро с удовольствием начнет открыто демонстрировать свою порочность. Понаблюдайте за любой обольстительной либертиной, и вы увидите, как это несравненное создание жаждет распутничать перед всем миром, не ощущая никакого стыда; она смеется над страхом скандала и сетует лишь на то, что ее поступки недостаточно широко известны. Интересно еще и то, что только на этой стадии она по-настоящему познает наслаждение, которое до сих пор было опутано плотной анестезирующей пеленой ее собственных страхов и предрассудков, и чтобы вознестись к вершинам блаженства и опьянения, ей остается растоптать последние препятствия и ощутить в самых недрах своей души те, незнакомые простым смертным, покалывания, что доводят человека до сладостной агонии. Иногда говорят, будто подобное блаженство сопряжено с ужасными вещами, которые противоречат здравому смыслу и всем законам Природы, совести, приличия, с вещами, которые не только вызывают всеобщий ужас, но и не могут доставить нормальному человеку никакой радости. Может быть, это и так, но лишь с точки зрения дураков. Однако, друзья мои, существуют светлые умы, которые, отбросив все, что делает эти вещи внешне ужасными, то есть навсегда уничтожив предрассудок, ибо только он пятнает их грязью, смотрят на те же самые вещи как

на случай испытать неземное блаженство, и их наслаждения тем сильнее, чем шире пропасть между этими вещами и общепринятыми нормами, чем охотнее и настойчивее творят они свои дела и чем строже относятся к ним вульгарная толпа. Внушите такие Мысли женщине и увидите, что получится. Когда ее душа услышит эту неземную музыку, трепетные аккорды, осаждающие ее, станут настолько страстными и мощными, что она позабудет обо всем, кроме потребности устремиться еще дальше по чудесному пути, который она выбрала. Чем больше злодеяний она творит, тем сильнее это ей нравится, и вы не услышите от нее никаких жалоб на то, ее тяготит клеймо бесчестия - бесчестия, которое она бог творит и которое своим опустошающим жаром еще выше поднимает температуру ее наслаждений. И вам станет понятно, почему эти, как их называют, исчадия зла всегда требуют избыток ощущений и почему их не трогает удовольствие, если оно приправлено преступлением. Само преступление теряет для них всякий смысл, и в отличие от вульгарных умов, которые в нем видят нечто отталкивающее, они смотрят на него совсем другим глазами, под другим углом зрения и находят в нем нескончаемое очарование. Привычка ни перед чем не останавливаться, преодолевать все барьеры ведет их все дальше и дальше в поисках того, что считается дурным и запретным, и так, переходя от безумства к безумству, они, в конечном счете, доходят до чудовищных, невероятных вещей, которые служат очередной ступенью на их пути, потому что эти женщины должны творить настоящие преступления, дабы испытать настоящие спазмы блаженства, и, к сожалению, не существует на свете злодейств, какие могли бы удовлетворить их. Таким образом, постоянно гоняясь за своей быстро ускользающей звездой и вечно обгоняемые собственными желаниями, эти великие женщины сокрушаются не столько о том, что совершили мало зла, но больше о том, что в мире его до обидного мало. Не думайте, милые подруги, что изначальная слабость нашего пола служит надежным убежищем от ветров порока: имея более высокую организацию, чем мужчины, мы скорее их чувствуем бурю и слышим крик птицы зла. Мы способны на чудовищные дела, мы жаждем небывалых извращений; мужчинам и в голову не приходит, на что способна женщина, когда Природа милостиво закрывает глаза, когда захлебывается голос религиозного исступления, когда спадают оковы закона.

Как часто мы слышим безмозглых ораторов, которые клеймят женские страсти, забывая о том, что эти страсти производят искру, зажигающую лампу философии; они забывают, что именно холодным и бесстрастным мужчинам мы обязаны рождением всех тех религиозных глупостей, которые так долго свирепствовали на земле. И пламя эмоций спалило дотла это отвратительное пугало, это Божество, во имя которого столько потоков было перерезано в течение многих веков, только страсть осмелилась снести с лица земли мерзкие алтари. Но даже если наши страсти не оказали мужчинам других услуг, разве этого недостаточно, чтобы они были снисходительными к нашим прихотям и капризам, а мы к слабостям этих кретинов? Да, дорогие мои, презирайте клевету, которой люди с радостью готовы запятнать вас, наплюйте на свой позор, ибо иного он не заслуживает, привыкайте ко всему, что может навлечь на вас обвинения, умножайте свои злодейские дела, и они дадут вам силу без страха смотреть в будущее, они уничтожат зародыши угрызений, прежде чем те дадут всходы. Пусть вашими принципами станут такие, которые лучше всего согласуются с вашими наклонностями, только не надо спрашивать себя, согласуется ли это с погаными человеческими условностями, и не стоит упрекать себя за то, что вы не родились под другими звездами, в другом краю, где подобное поведение приветствуется. Делайте только то, что вам нравится и приносит наслаждение, все прочее - ерунда. Будьте высокомерно

безразличны к пустым словам: порок, добродетель - все это понятия, не имеющие никакого реального смысла, они произвольны, их можно поменять местами, они выражают лишь то, что модно в данном месте и в данное время. Повторяю еще раз: позор и бесчестие скоро оборачиваются сладострастием. Где-то, кажется у Тацита, я прочитала, что бесстыдство-это высшее и последнее удовольствие для тех, кому надоели все остальные, испытанные сверх всякой меры. Я признаю, что это удовольствие сопряжено с опасностью, так как необходимо найти средство - и очень мощное - чтобы извлечь наслаждение из этого вида самоуничтожения, из этого сорта деградации чувств, который порождает все остальные пороки, ибо удовольствие это иссушает душу или, лучше сказать, лишает женщину воздуха, оставляя взамен удушающую атмосферу запредельного разврата и не оставляя ни малейшего выхода чувству раскаяния. Последнее не просто исчезает - в нем появляются совершенно новые краски и оттенки, и вот мы видим перед собой человека, который утратил вкус ко всему, кроме того, что может вызвать раскаяние, и который вновь и вновь, с тайным сладострастием, вызывает в себе это чувство, чтобы испытать удовольствие от его подавления, и постепенно доходит до самых изощренных излишеств, и доходит до этого тем скорее, чем больше нарушает закон и чем чаще насмехается над добродетелями. Преодолеваемые препятствия становятся эпизодами сладострастия, и зачастую они больше возбуждают извращенное воображение, чем сам акт. Но самое восхитительное здесь то, что человек ощущает себя счастливым, и он действительно счастлив. Разумеется, счастье зависит исключительно от нашей внутренней организации и может встречаться как в высших сферах добродетели, так и в бездне порока... Это так, но разве добродетель способна довести до сумасшествия? Разве холодную окаменелую душу может утешить или согреть нищенское вознаграждение, которое сулит добродетель? Нет, друзья мои, нет добродетель никогда не принесет нам счастья. Лжет тот, кто говорит, что обрел в ней счастье - он выдает за счастье то, что на деле является иллюзией тщеславия. Со своей стороны я всеми фибрами души презираю, ненавижу добродетель, ненавижу настолько же, насколько в прошлом боготворила ее, и радость, которую я испытываю, постоянно попирая ее ногами, я хотела бы увенчать высшим блаженством: уничтожить ее в каждом сердце, где она обитает. Как часто мой кипящий мозг, переполненный самыми невероятными образами и картинами, распалялся настолько, что я жаждала только одного - очертя голову броситься в безбрежный океан бесстыдства. Мне надо было еще раз, раз и навсегда, увериться в том, что я распутница; я хотела бы сбросить вуаль лицемерия, растоптать неблагодарные клятвы, мешающие открыто заниматься развратом, и сделаться самой распутной из падших женщин. Признаться, я завидую судьбе тех дивных созданий, которые украшают наши улицы и удовлетворяют грязную похоть каждого встречного; они опускаются до самого предела деградации, погрязая в грязи и в ужасном пороке; бесстыдство - их удел, но они не ощущают его, не ощущают ничего, кроме удовольствия. Какое это счастье! Почему бы всем нам не стремиться к этому? В целом мире нет счастливее того, в ком бьется сердце, закаленное страстями, кто на крыльях страстей воспаряет туда, где не существует ничего, кроме наслаждения. И зачем ему ощущать что-то другое? Ах, милые мои, если бы только мы могли достичь таких высот распущенности, мы перестали бы выглядеть мерзкими грешницами! Сама Природа открывает нам врата к счастью, так давайте же войдем в них!

- Клянусь моими грешными потрохами, они отвердели - вскричала неистовая Дельбена.  
- Они ожили, вознеслись в небо, эти божественные столпы, которые я трогала, беседуя с вами. Смотрите, они тверды как сталь, и моя жопка трепещет и страстно ждет их. Идите же

сюда, добрые мои друзья, ублажите ненасытный зад вашей Дельбены, в самые сокровенные глубины распутного чрева влейте свежие струи спермы, которая, если это вообще возможно, погасит пожар, пожирающий меня! Ко мне, Жюльетта, я хочу по капле высосать весь нектар из твоей куночки, пока наши могучие рыцари трудятся над моей попой. Вольмар пусть сядет на твое лицо, пусть вручит тебе свои прелести - лижи их, ешь их, пей их, а одной рукой ты будешь ласкать Флавию, другой - ягодицы Лоретты.

Участники спектакля заняли свои места. Оба любовника Дельбены по очереди занимались с ней содомией, моя плоть, словно подстегнутая извержением Вольмар, в изобилии текла в рот наставницы, и вот, наконец, пришло время перейти к главному - лишить Лоретту невинности.

Назначенная на роль верховной жрицы, я вооружилась искусственным членом. Это была весьма внушительная штука: безжалостная аббатиса приказала выбрать самый большой во всем арсенале. Последовавшую за этим грубую и сладострастную сцену я хочу описать подробно.

Лоретту поместили в самом центре. Она неподвижно лежала на высоком стуле, под ее ягодицы подложили твердую подушку; девочка лежала, опираясь на стул только задней частью. Ее широко раскинутые ноги растягивали в стороны веревки, привязанные к вделанным в пол кольцам, таким же образом были привязаны ее руки. Самая труднодоступная и интимная часть тела нашей жертвы находилась в очень удобном положении, будто ожидая карающего меча. Перед Лореттой сидел Телем и держал на коленях ее прелестную головку, словно утешая и успокаивая ее. Мысль отдать девочку в руки исповедника, как обычно делают с жертвой перед тем, как ее обезглавить, пришла в голову Дельбене и невероятно забавляла хозяйку, и я поняла, что ее страсти были жестоки в той же мере, в какой ее вкусы были извращены. Было решено, что в то время, как моя рука лишит Лоретту девственности, Дюкроз будет совокупляться со мной сзади. В комнате находился алтарь, стоявший рядом и чуть выше жертвенника, на котором должна была страдать бедная девочка, и алтарь этот был ложем нашей возбужденной до крайности аббатисы. Развалившись на нем между Вольмар и Флавией, эта хищница собралась услаждать себя мыслью о преступлении, которое она подготовила, и роскошным спектаклем самого преступления.

Прежде чем обеспечить мой тыл, Дюкроз подготовил плацдарм для моего предстоящего приступа: увлажнил нижние губки Лоретты и смазал мое оружие маслянистым составом, который должен был облегчить проникновение. Однако первый же толчок вызвал судорожное напряжение крохотной вагины, и Лоретта жалобно вскрикнула: ей еще не исполнилось и десяти лет, а мое копье имело сантиметров пятнадцать в окружности и около тридцати в длину. Поощрительные замечания окружающих, внезапно охвативший меня гнев, желание довести до конца этот акт высшего либертинажа все это вместе привело к тому, что я с таким неистовством набросилась на бедняжку, какое вы вряд ли найдете в самом пылком любовнике. Мое оружие проникло внутрь, и кровь, хлынувшая из разорванной девственной плевы, и отчаянные стоны жертвы стали свидетельством того, что операция прошла успешно. Урон, понесенный бедной девочкой, оказался совсем нешуточным: рана была настолько большой, что во мне шевельнулось беспокойство за ее жизнь. Дюкроз, тоже обеспокоенный, взглянул вопросительно на аббатису; она, сладострастно кусая губы и дрожа от умелых ласк своих помощниц, кивнула, и это стало сигналом к продолжению.

- Эта сучка наша! - крикнула она. - И не жалейте ее. Я за нее не отвечаю, как, впрочем,

ни за кого другого; я делаю здесь все, что хочу!

Вы без труда догадаетесь, как воспламенили меня эти злые слова. И будьте уверены, что бедствия, причиной коих были моя жестокость и непослушный инструмент, только увеличили мое усердие; еще минута, и инструмент целиком исчез в пучине боли. Лоретта лишилась чувств, Дюкроз продолжал содомировать меня, а набухший орган Телема вдохновенно терся о прелестное лицо уже ничего не чувствующей девочки, чью голову он сжимал своими бедрами...

- Мадам, - обратился он к Дельбене, азартно работая членом, - кажется, кое-кому здесь требуется помощь.

- Хорошая порция спермы - вот, что ей требуется, - откликнулась аббатиса. - Это единственное лекарство, которое дают шлюхам.

Я с новой силой продолжала свое дело, все больше возбуждаемая членом Дюкроза, который едва не погрузился полностью в мой задний проход. Экстаз охватил нас всех примерно в один и тот же момент. Трое лесбиянок, распростертых на алтаре, изверглись как целая батарея мортир. По искусственному органу, который я погрузила в самые недра Лоретты, струей стекала моя собственная плоть, а плоть Телема смешалась со слезами жертвы, когда он испытал оргазм на ее лице.

Сломленные усталостью и поняв, что Лоретту требуется привести в чувство, если мы хотим получить от нее новые удовольствия, мы вспомнили о ней. Ее развязали, принялись хлопать по щекам, тормошить, щипать, и вскоре она стала подавать первые признаки жизни.

- Ну что с тобой? - нетерпеливо и грубо спросила Дельбена. - Неужели ты такая неженка, что от подобной малости едва не оказалась у врат ада?

- Увы, мадам, я не могу больше, - слабо проговорила бедная истерзанная девочка, продолжая истекать кровью. - Мне очень больно, я умираю...

- Не так скоро, - отрезала наставница, - пациентки, намного моложе тебя, успешно выдерживали такие же процедуры, так что давайте продолжим.

И без дальнейших разговоров, без попыток остановить кровь, Лоретту привязали снова, только на этот раз ее положили не на спину, а на живот; теперь в удобной для меня позиции был ее задний проход. Дельбена и обе ее помощницы опять расположились на алтаре, а я приготовилась пробить еще одну брешь.

Вряд ли что может сравниться с тем роскошным бесстыдством, с каким Дельбена мастурбировала с помощью Вольмар и Флавии. Последняя, накрыв ее всем телом, прижималась влагищем ко рту хозяйки и одновременно целовала ей клитор и щекотала соски; Вольмар яростно массировала ненасытный анус аббатисы, погрузив в него три пальца; ни одна часть тела злодейки не оставалась необласканной, и сквозь пелену наслаждений она жадно наблюдала за моими действиями. Знак был подан, и я приступила ко второму акту. Теперь меня содомировал Телем, а Дюкроз должен был готовить к атаке бедную Лоретту и одновременно ласкать мне клитор. Трудности были велики и казались непреодолимыми: два или три раза мой инструмент выталкивался обратно и, несмотря на все мои старания, то и дело сбивался с пути, снова оказываясь во влагище Лоретты и тем самым доставляя лишние мучения несчастной жертве нашего распутства. Дельбена, потеряв терпение, велела Дюкрозу проторить тропинку собственным членом, и это поручение доставило ему живейшее удовольствие. Имея член, лишь немногим уступающий бушприту, которым была вооружена я, но только более послушный хозяину, развратник в следующий же миг глубоко погрузил его между вздрагивающих ягодиц девочки, протаранил

девственные потроха, вытащил их наружу и уже собрался сделать еще один заход и впрыснуть свое семя в пробитую полость, как в тот самый момент аббатиса приказала ему отойти в сторонку и дать мне возможность продолжать.

- Ах, дьявол меня заberi! - пробормотал аббат, вытаскивая свой орган, изнемогающий от вожделения и измазанный темной густой жидкостью доказательством его победы. - Разрази меня гром! Ну ладно: как скажете. Только я требую реванша. Отдайте мне взамен зад Жюльетты.

- Нет, - отвечала Дельбена, которая, несмотря на то, что купалась в жарких волнах наслаждения, внимательно следила за порядком. - Нет, эта часть тела Жюльетты принадлежит Телему, теперь он должен насладиться ею, и я не могу покушаться на его права. Но ты, шалунишка, если уж так тебе не терпится, пойди и воткни свой посох в изголодавшуюся жопку Вольмар. Ты только взгляни на эту прелесть. Забирайся скорее в нее, закупорь ее как следует, а она от этого еще сильнее будет ласкать меня.

- Да, черт возьми! Да! - подхватила Вольмар. - Иди ко мне, моя норка изнывает от жажды. Участники карнавала снова заняли свои места, поднялся занавес, и начался новый акт. Брешь, проделанная моим помощником, сделала свое дело, мой инструмент вошел легко и свободно, и минуто спустя наша бедная девочка узнала, как он велик и безжалостен. Она истошно закричала, стоны и вопли ее были ужасны, но Телем, который, казалось, целиком проник в меня, и Дельбена, которая захлебывалась исторгнутой мною плотью, воспаляли меня настолько, что я забыла обо всем на свете. Поток хлынула кровь, и девочка потеряла сознание во второй раз. В этот момент снова проявила себя жестокая натура Дельбены.

- Не останавливайся! Продолжай! Не смей прекращать! - гневно вскричала она, увидев, что я заколебалась. - Разве это уже конец? Ты что, не видишь, что мы еще не кончили?

- Но она умирает, - возразила я.

- Умирает? Неужели умирает? Чушь все это! Фиглярство! Комедия! А если даже и так? Что из того? Одной шлюхой больше, одной меньше - мне наплевать. Эта стерва здесь для того, чтобы развлекать нас, и, клянусь всей своей спермой, она будет делать свое дело!

Мою решимость укрепили слова этой мегеры, и, прогнав постыдную жалость, внушенную кем угодно, но только не Природой, я вновь принялась за дело и продолжала до тех пор, пока не прозвучал сигнал к общему отступлению одновременно, со всех сторон, слышались звуки, напоминающие столпотворение. К тому моменту, как я в изнеможении откинулась на подушки, на моем счету было уже три оргазма.

- А теперь давайте взглянем на нее, - предложила аббатиса, подходя к Лоретте. - Она еще дышит?

- О, ля, ля! Она чувствует себя не хуже, чем до начала потехи, - проворчал Дюкроз, - а если вы в этом сомневаетесь, я могу сделать еще заход в ее вагину, и она вмиг очнется.

- Лучше, если мы разбудим ее все вместе, - сказал Телем. - Я оседлаю ее сзади, Дельбена будет массировать мне анус, а я - целовать попку Вольмар; Дюкроз поработает своим членом в заднем проходе Жюльетты, а своим усердным языком - во влагалище Флавии.

План - был одобрен, и мы приступили к его исполнению. Ритмичные движения обоих наших бомбардиров и их неукротимая страстность быстро привели в чувство Лоретту, которая, тем не менее, пребывала в весьма плачевном состоянии.

- Я обожаю вас, мадам, - шепнула я наставнице, отведя ее в сторону, - но как же все-таки вы исправите то, что со мной сделали?

- Не волнуйся, ангел мой, - ответила Дельбена. - Завтра я натру тебя мазью, которая быстро приведет тебя в полный порядок, так что послезавтра никто и не догадается, что твоим сокровищам нанесен непоправимый ущерб. Что же касается Лоретты, разве ты забыла, что ее считают сбежавшей из монастыря? Теперь она наша и никогда больше не выйдет отсюда.

- Что вы собираетесь с ней сделать? - спросила я, сильно заинтригованная.

- Она будет служить для наших утех. Милая Жюльетта, ты как будто только вчера родилась на свет. Неужели до сих пор не понятно, что настоящее распутство не бывает без злодейства, и чем ужаснее одежды, в которые рядится удовольствие, тем оно приятнее для нас?

- Простите, мадам, но я все еще не могу решиться окончательно.

- Потерпи. Ждать тебе осталось недолго - придет время и все твои сомнения исчезнут. А пока давайте поужинаем.

Всей компанией мы перешли в маленькую комнату по соседству с салоном, где происходили оргии. Здесь на столе были расставлены обильные изысканные яства: редчайшие мясные деликатесы и тончайшие вина. Мы сели за стол, и - о, чудо! нас стала обслуживать Лоретта. Скоро я заметила, по тому, как к ней обращались, как грубо относились к ней, что отныне бедняжка была не более, чем жертвенным агнцем, участь которого решена. Чем больше возрастало оживление за столом, тем хуже ей приходилось: каждое ее движение или слово вознаграждалось пинком, щипком или пощечиной, а малейшая нерадивость или непослушание наказывались еще строже. Я не буду, дорогой читатель, утомлять тебя всеми мерзкими подробностями, сопровождавшими эту разнузданную вакханалию, достаточно сказать, что по своей крайней извращенности они превосходили все самое худшее из того, что я когда-либо видела в среде самых закоренелых распутников.

В комнате было очень тепло, женщины были обнажены, мужчины отличались такой же небрежностью в одежде, то есть отсутствием оной, и вся компания предавалась самым непристойным и грязным утехам, которые диктовал нам полупьяный бред вкупе с обжорством. Телем и Дюкроз яростно оспаривали друг у друга мой зад, истекая похотью и готовые извергнуться тут же от бесплодных усилий; я лежала под их барахтавшимися телами, спокойно ожидая исхода схватки, когда Вольмар, совсем уже пьяная и в своем опьянении более прекрасная, чем сама Венера, схватила оба члена и принялась сдаивать их в чашу для пунша, потому что, как она объяснила, ей захотелось выпить спермы.

- Отличная мысль, - одобрила настоятельница, которая находилась почти в таком же трансе, как и все остальные, ибо вино лилось рекой. - Но я выпью, только если сюда помочится Жюльетта.

Я исполнила просьбу, и чаша пошла по кругу; все распутницы отпили из нее, то же самое с удовольствием делали мужчины, и когда ритуал подходил к концу, экстравагантная аббатиса, не зная, что еще придумать такого интересного, чтобы пробудить желания, которые она, несмотря на всю свою порочность, исчерпала до дна, объявила, что хочет отправиться в подвал, где покоятся останки умерших в монастыре женщин, найти гроб одной из тех, кого недавно уничтожила ее ревнивая ярость, и совершить на теле покойной своей жертвы несколько оргазмов во имя торжества порока. Мысль эта была подхвачена с бурным восторгом; мы поднялись, спустились вниз и поставили свечи вокруг гроба юной монашки, которую Дельбена отравила три месяца назад после того, как некоторое время

боготворила ее. Эта женщина - настоящее исчадие ада - улеглась на гроб, раздвинула ноги, раскрывая свою обнаженную промежность, и приказала святым отцам подходить по очереди. Первым в состязание вступил Дюкроз. Мы были только зрителями, и наши обязанности во время этой жуткой сцены заключались в том, чтобы ласкать ее, целовать и облизывать ей тело и клитор. Обезумевшая Дельбена изнемогала и барахталась в волнах своей страсти, когда послышался внезапный шум, затем пронзительный визг, и все свечи сразу погасли.

- Боже мой, что это! - закричала храбрая наставница, одна из всех нас сохранившая мужество и хладнокровие посреди общей суеты и испуга. - Жюльетта! Флавия! Вольмар!

А мы онемели от страха, мы окаменели, и никто не откликнулся; и если бы аббатиса не рассказала нам наутро о том, что случилось, я, потерявшая в тот момент сознание, так бы и не узнала причину этой суматохи. А причиной была лесная сова, поселившаяся в подземельях монастыря: испуганная светом, к которому не привыкли ее глаза, она взлетела, и резкий порыв воздуха от ее крыльев загасил свечи. Придя в сознание, я увидела, что лежу в своей постели, и Дельбена, которая навестила меня, как только узнала, что мне стало лучше, рассказала, как она успокоила обоих мужчин, которые были почти так же напуганы, как и мы, и с их помощью перетаскала женщин в кельи.

- В сверхъестественные явления я не верю, - заявила Дельбена. - Следствия без причины не бывает, и первым делом, несмотря на свое изумление, я незамедлительно стала искать причину. И скоро ее обнаружила. Потом снова зажгла свечи и вместе с нашими рыцарями привела все в порядок.

- А где Лоретта, мадам? - Лоретта? Она осталась в подвале, дорогая.

- Что? Значит, вы...

- Еще нет. Этим мы займемся в следующий раз, как только соберемся снова. Она выдержала вчерашнее испытание гораздо успешнее, чем можно было предполагать.

- Ах, Дельбена, вы в самом деле развратное, жуткое создание...

- Будет, будет тебе. Это не совсем так. Просто у меня очень требовательные вкусы, и ничто другое так меня не возбуждает. А раз я убеждена, что мои желания - самые послушные исполнители воли Природы, я покорно слеую за ними и не испытываю при этом ни страха, ни угрызений совести, ни сожалений. Но с тобой все в порядке, Жюльетта. Поднимайся, милая моя, пойдем отобедаем в моей комнате и заодно побеседуем.

Когда мы закончили трапезу, Дельбена пригласила меня сесть рядом с ней.

- Тебя удивляет, что я бываю так спокойна, совершая самые жуткие преступления? Ну что ж, не скрою, мне хочется, чтобы ты была так же хладнокровна, как и я, и мне кажется, скоро так оно и будет. Вчера я заметила, что тебя поразила, даже ошарашила невозмутимость, с какой я творила все эти ужасы, и, насколько помнится, ты даже упрекнула меня в отсутствии жалости к бедняжке Лоретте, которая была жертвой нашего разгула.

- Ты должна отбросить прочь свои сомнения, Жюльетта:

Природа все устроила, обо всем позаботилась, она отвечает за все, что ты видишь вокруг. Разве она дала равные силы, одинаковую красоту и грацию всем сотворенным ею созданиям? Разумеется, нет. Поскольку ей угодно, чтобы каждая отдельно взятая вещь, каждое отдельное существо имели свою собственную форму и свои особенности, она хочет, чтобы и судьбы людей были разные. Невезучие существа, которые угрожают нам в когти или возбуждают нашу похоть, имеют свое определенное место в общем порядке Природы точно так же, как звезды на небосводе, как солнце, дающее нам свет; поэтому зло совершает тот,

кто вмешивается в этот мудрый порядок - ведь никому не взбредет в голову совать свой нос в космические дела.

- Но, - осмелилась заметить я, - разве вам понравилось бы, окажись вы в их положении и не найдя ни в ком сочувствия?

- Мне? Я бы страдала без всяких жалоб, - таков был стоический ответ, достойный мыслителя, - и никого бы не молила о помощи.

И если я избранница Природы, если мне не приходится бояться нищеты, разве не грозят мне, как и всем остальным, лихорадка и чума, война и голод, и бедствия внезапной революции, и все прочие бичи человечества. Поверь мне, Жюльетта, и крепко запомни, что когда я обрекаю других на страдания, когда с улыбкой созерцаю их, это лишь потому, что я научилась страдать сама, страдать в одиночестве. Сопротивляться глупо и бессмысленно, поэтому надо отдаться промыслу Природы, иными словами - своей судьбе. Природа не призывает нас к милосердию, она предлагает нам развить в себе силы, чтобы противостоять испытаниям, которые она в изобилии припасла для нас. Сочувствие же не только не закаляет нашу душу, не только не готовит ее к испытаниям - оно ее обезоруживает, размягчает, напрочь лишает мужества, которого не окажется в нужный момент, когда придется столкнуться с бедами. Тот, кто научился спокойно воспринимать боль других, сумеет также спокойно смотреть в лицо своим собственным несчастьям, и гораздо важнее научиться страдать самому, нежели бесполезно проливать слезы по поводу чужих страданий. Да, Жюльетта, чем закаленнее человек, тем меньше он болеет и тем ближе к истинной независимости; в жизни нас подстерегают только две вещи: зло, выпадающее на долю других, и зло, которое выпадает нам; стойко принимай первое, и второе меньше поразит тебя, и ничто не сможет нарушить твой покой.

- Тогда, - заметила я, - неизбежным следствием этого равнодушия будет всеобщее зло.

- Ну и что? В принципе думать надо не о зле и не о его противоположности добродетели, а о том, что делает нас счастливыми, и коль скоро я увижу, что единственная для меня возможность быть счастливой заключается в том, чтобы предаваться самым ужасным порокам, я без колебаний в тот же миг совершу любое, самое немыслимое преступление, потому что, как я уже тебе говорила, Природа диктует мне наслаждаться любой ценой. Если Природа сотворила мою самую интимную сущность таким образом, что только несчастье моих близких может разжечь во мне вожделение, это потому, что она хочет моего участия в милом ее сердцу разрушении, ведь она стремится к разрушению - в этом ее цель, и цель столь же важная, как и все другие; если она сделала меня порочной, значит, ей потребна порочность и нужны такие люди, как я, чтобы служить ей.

- Подобные аргументы могут завести далеко...

- И надо следовать за ними, - тут же парировала Дельбена. - Попробуй показать мне ту грань, за которой они могут стать опасными. Скажем, ты досыта насладились, утолила свои желания, так чего еще тебе нужно?

- Можно ли наслаждаться за счет других?

- Меньше всего в этом мире меня интересуют другие; я ни капельки не верю в эти братские узы, о которых без конца долдонят глупцы, я внимательно изучила их и отвергла раз и навсегда.

- Как! Вы сомневаетесь в этом первейшем законе Природы?

- Послушай, Жюльетта... Воистину, этой девочке недостает воспитания и наставления...

Наш разговор был на этом прерван: лакей, посланный моей матерью, пришел сообщить

госпоже настоятельнице об отчаянном положении дел в нашем доме и о тяжелой болезни моего отца. Мать просила нас с сестрой срочно возвращаться.

- Боже мой! - воскликнула мадам Дельбена. - Я совсем забыла о твоей девственности, которую надо восстановить. Одну минуту, мой ангел, вот возьми экстракт мирта и натирайся им утром и перед сном. На десятый день ты будешь снова непорочной, будто только что вышла из материнского чрева.

Потом она послала за Жюстиной и поручила нас обеих заботам служанки, а на прощанье просила нас навещать ее, как только будет возможность. Мы расцеловались с настоятельницей и покинули монастырь.